Файдыш В.
На баррикадах
за власть
Советов
1934.
690764

ИМЛ – Библиотека
ГИ 200
ф 145

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ200
ф145 р

На баррикадах за власть советов

Московский Рабочий

1934

ГИ200
Ф145 Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

НА БАРРИКАДАХ за власть советов

Воспоминания участников октябрьских боев 1917 г. в Замоскворечьи

Составитель Вл. Файдыш

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1934

П 1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

Настоящий сборник содержит воспоминания активных участников октябрьских боев 1917 г. в старом Замоскворечьи.

Задача сборника—прибавить к уже имеющимся новые материалы по истории октябрьского восстания в Москве.

Товарищи, интересующиеся историческими днями октября 1917 г. в тогдашнем Замоскворецком районе, могут почерпнуть дополнительный материал в сборнике „Красное Замоскворечье", изданном в 1927 г. Замоскворецким райкомом ВКП(б).

Просьба к читателям прислать свои замечания или дополнения, касающиеся изложенного в настоящей книге, по адресу: Москва, ул. Горького, 15, издательство „Московский рабочий".

ВЛ. ФАЙДЫШ.

ГИ200 р
ф 145
ИЛ

690764
29590
525
34

Вл. Файдыш

Октябрь 1917 г. в Замоскворечьи

После февраля

Тов. Ольминский в своей статье, помещенной в сборнике «Москва в октябре 1917 г.», изданном в 1919 г., дает характеристику хода событий в Москве от февраля к октябрю.

Он говорит: «В 1917 г., до октябрьских дней, Москва не видала революционной уличной борьбы. Февральскую революцию вынес на своих плечах Петербург... И теперь толчок к борьбе был дан питерскими событиями. Отставание Москвы сказалось на всем: на отсутствии плана боевых действий в общемосковском масштабе [1], на предоставлении инициативы в первые дни восстания белым. Самые наши постановления, резолюции рабочих собраний исходили 25—26 октября из «поддержки питерских рабочих в деле захвата власти».

Но из этого вовсе не следует, что московская организация большевиков к восстанию не готовилась.

В начале марта Московский комитет большевиков уже выпускает первый номер газеты «Социал-демократ», — газеты, кото-

---

[1] В книге т. Пече («Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь») утверждается, что центральным штабом был разработан план восстания, «который лег позднее в основу октябрьского восстания» (стр. 30 и далее в конце стр. 31). «Таким образом план вооруженного восстания нашим оперативным штабом был вполне своевременно и достаточно полно разработан; в октябрьские дни он послужил основой для наших боевых действий».

Я не берусь отрицать того, что в центральном штабе был какой-нибудь ориентировочный план, но я категорически утверждаю, что «основой для наших боевых действий» в октябрьские дни ни этот, ни другой план не служил. В том-то и была беда, оттого и затянулись бои, что централизованного в полной мере боевого руководства не получилось, что не было и общего оперативного плана, особенно вначале, когда инициатива оказалась у юнкеров, а военно-революционному комитету пришлось обороняться.

рую так ненавидела буржуазия и которая нарасхват разбиралась рабочими.

В апреле уже во всех районах имеются крепкие большевистские организации, ведется упорная борьба за отвоевание рабочих у соглашательских партий.

Вплоть до октябрьских событий шла подготовка усиливающимися темпами.

Большевики-агитаторы посылаются почти на все предприятия района. Кампания против подписки на «заем свободы» прошла как наилучшая демонстрация сочувствия, которое все больше завоевывала у рабочих партия большевиков. На этой и других кампаниях, в борьбе, которая завязалась между классами и партиями — представителями этих классов, воспитывался замоскворецкий рабочий.

Рабочие Замоскворечья — крупнейшего рабочего района в Москве[1], на фабриках и заводах которого велась работа «на оборону», особенно остро чувствовали тяжесть своего положения.

Надо вспомнить тогдашнюю обстановку на фабриках: 12—14-часовой рабочий день, низкие расценки, отсутствие продовольствия, постоянная угроза отправки на фронт, работа на заводах и фабриках в качестве «военнообязанных». В общем— подлинное рабство, с той лишь, пожалуй, разницей, что в старые времена раба за отказ работать тут же убивали, а здесь убивали несколько позднее — на фронте.

Рабочему не сразу удалось разобраться в обстановке. Под маской «защитников» его интересов выступали меньшевики и эсеры. Пришлось на практике забастовок, т. е. прежде всего на собственной шкуре, учиться распознавать друзей и врагов. Забастовка текстильщиков, а затем и 2½-месячная забастовка кожевников были хорошей школой. На этих забастовках воспитывались и росли кадры рабочих-большевиков Замоскворечья.

События тем временем развивались. Все больше росло число революционно настроенных пролетариев. Если еще в июне 1917 г. эсеры пользовались в Москве влиянием и добились 58% голосов в городской думе, то уже выборы в районные думы в сентябре показали, какой сдвиг произошел в рабочей массе.

Во время выборов в районные думы социал-соглашательские партии уже почти не пользовались влиянием. Боролись два списка: большевиков № 5 и кадетов № 1, т. е. списки рабочей партии и партии крупной буржуазии.

Замоскворецкие рабочие послали в свои районные думы— Калужскую и Пятницкую — исключительно большевиков. Поэтому-то Замсовет и обе думы действовали в октябрьские дни в полном контакте. Доказательством этого единства служат выпущенные ими воззвания, которые дают представление о том, как они определяли создавшееся положение.

---

[1] Тогдашний Замоскворецкий район включал в себя нынешний Ленинский район и часть Замоскворецкого.

Вот одно из воззваний:

Ко всем гражданам Замоскворечья
Товарищи и граждане!

Правительство изменников революции и корниловцев—буржуа привело страну к окончательной гибели. Война затягивается, рушатся фабрики и заводы, рабочие массы рассчитываются, арестовываются крестьянские земельные комитеты, начались прямые нападения на советы рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов встал на защиту завоеваний революции.

Его лозунги:

Немедленное заключение демократического мира.

Передача всей земли крестьянским комитетам.

Решительная борьба с хозяйственной, финансовой и промышленной разрухой.

Созыв Учредительного собрания в срок.

А для осуществления всего этого — немедленный переход власти в руки советов.

Контрреволюционное правительство свергнуто. Однако Московская центральная дума, от которой московская демократия отвернулась еще 25 сентября, поддерживает правительство помещиков и капиталистов.

Московские советы рабочих и солдатских депутатов решили всеми мерами поддерживать своих петроградских товарищей.

Товарищи и граждане! Наш революционный долг — быть с ними. Районный совет Замоскворечья вместе с 4-й Калужской и 5-й Пятницкой районными управами—органами избранных всем населением демократических районных дум — зовут вас сплотиться вокруг них для сохранения завоеваний революции.

Помогите нам, товарищи и граждане, поддержать революционный порядок, всеми мерами пресекать всякие контрреволюционные и погромные выступления.

Помогите нам принять самые решительные меры против попыток врагов свободы вином и водкой затемнить революционное сознание населения. К лицам, замеченным в ведении погромной агитации, в продаже спиртных напитков, либо в подпаивании населения, будут применяться строгие кары вплоть до немедленных арестов. Пьянства не должно быть в эти решительные дни.

О всякой попытке врагов революции сообщите немедленно в Замоскворецкий районный совет (Калужская площадь, бывший ресторан Полякова, тел. 81-10) и дежурным совета в комиссариатах Замоскворечья, где установлены непрерывные дежурства.

Выдержанно, дисциплинированно поддержите борьбу за народную власть!

Да здравствует власть советов! Да здравствует борьба за землю, мир и свободу!

Замоскворецкий районный совет рабочих и солдатских депутатов, 4-я Калужская районная управа, 5-я Пятницкая районная управа.

В борьбе за завоевание рабочей массы партийная организация сумела развернуть большую работу. Памятны митинги на площадях в Замоскворечьи, митинги на заводах и в Коммерческом институте. Всюду, где собирались рабочие, выступали большевики. Как отличны митинги Замоскворечья от митингов например на Тверской или у Скобелевского памятника! Если в центральных буржуазных районах города большевиков преследовали, избивали, арестовывали, то в Замоскворечьи жадно слушали речи большевиков, поддерживали их возгласами сочувствия.

Штаб борьбы Замоскворечья — районный комитет большевиков был хорошо известен рабочим. Рабочие знали, что студенческая столовка на бывш. Малой Серпуховке — не только столовка. Стоит подняться по узенькой деревянной лестнице наверх, в мезонин, и в двух маленьких комнатушках рабочий найдет и нужное разъяснение, и книжку, и листовку.

Райком большевиков, в состав которого входили в большинстве местные рабочие, а также и «подпольщики», был тесно связан с Московским комитетом большевиков. Эта связь была особенно хорошо налажена перед восстанием. В этот период Илья Цивцивадзе (член бюро МК, ответственный партруководитель Замоскворечья) ежедневно бывал в МК, а вечером собирался актив, заслушивал и обсуждал центральную и местную информацию, горячо обсуждал и намечал план действия.

Штрихом, характеризующим настроение рабочих, является выступление замоскворецких рабочих и солдат с демонстрацией — протестом против милюковской ноты о «войне до победного конца». Для меньшевистско-эсеровского Моссовета и буржуазии это выступление явилось полной неожиданностью. Особенно внушительным было выступление двух полков в полном боевом вооружении.

Демонстранты двинулись к Моссовету. Около городской думы (площадь Революции) кучка буржуйчиков пыталась вырвать у рабочих плакат с надписью «Долой 10 министров-капиталистов!», но получила должный отпор.

Руководство демонстрацией перешло к большевикам. Выступили тт. Смидович, Ногин. Растерявшийся представитель соглашательского Моссовета мог только пролепетать, что «совет просит разойтись, что, когда будет нужно, он призовет».

Через 3—4 дня после демонстрации на собрании «комитета общественных организаций», игравшего роль московского правительственного центра, представитель крупной буржуазии Ря-

бушинский с пеной у рта обвинял руководство комитета в том, что оно допустило эту демонстрацию, которая «по существу была восстанием», что «комитет—не власть, а власть—совет», что «комитет беспомощен», что «нас даже не собрали...» и т. д.

Эта демонстрация ярко выявила большевистское настроение солдат и рабочих Замоскворечья, показав буржуазии всю шаткость ее положения.

Как реагировали рабочие на призывы большевиков, видно из такого например факта: по призыву МК партии в день созыва так называемого «Московского государственного совещания», где Временное правительство, буржуазия и контрреволюционный генералитет сговаривались о наступлении на революцию, была намечена большевиками однодневная забастовка, в виде протеста против этого совещания. Забастовка прошла по всему Замоскворечью.

Большевики городской трамвайной станции (у Малого Каменного моста) накануне вечером провели решение о забастовке и невыпуске трамваев. Несмотря на это решение, в день забастовки один или два парка все же пустили трамваи. Тогда рабочие станции выключили ток.

Приехавшая в 2 часа дня специальная делегация Моссовета (меньшевистско-эсеровского в то время) с несколькими юнкерами не могла уговорить рабочих приступить к работе. Угрозы же делегации настолько обозлили рабочих, что ей, особенно когда она увидела в завкоме имевшееся там оружие, пришлось спешно убраться.

Нечего и говорить о том, с какой жадностью слушали чтение каждой статьи и речи Ленина, где он обосновывал необходимость восстания в ближайшее время.

В июне призывы Керенского к «войне до победного конца» уже не находили в рабочей массе того отклика, на который так надеялись меньшевики и эсеры.

Июльские же дни всколыхнули Замоскворечье. Внушительной демонстрацией ответили рабочие Замоскворечья, поддерживая выступление питерских рабочих.

Выступление Ленина с апрельскими тезисами, резолюции и обращения VI съезда партии оказали громадное влияние на замоскворецкую организацию большевиков, на всю рабочую массу Замоскворечья.

> «Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема», — сказал VI съезд партии.

Съезд резко и решительно определил свое отношение ко всем попыткам объединения с меньшевиками-контрреволюционерами. Он сказал:

«Исходя из признания необходимости полного и бесповоротного раскола с меньшевиками-империалистами, съезд высказывается самым решительным образом против таких попыток...»

Замоскворецкая организация твердо держалась этих решений. Резко отмежевалась она от блоков с соглашателями. Этим и объясняется в первую очередь ее действенность в дни октябрьских боев. Этим объясняется и то, что основное ядро большевиков московского партийного центра смотрело на Замоскворецкий район как на свою основную опору. Сюда перенесено было издание «Социал-демократа», «Известий Моссовета». Здесь находились М. Н. Покровский, М. Ольминский и др. Отсюда, даже в дни, когда Моссовет был окружен юнкерами со всех сторон, поддерживалась с Моссоветом связь, посылалось продовольствие. Наконец, сюда перешла и отсюда руководила восстанием часть московского партийного центра в лице «партийной пятерки». Здесь были В. Н. Яковлева, Пятницкий, Кизельштейн.

В сентябре весь состав Замоскворецкого совета был переизбран и стал сплошь большевистским; соглашатели вошли лишь единицами. Путем отзыва своих представителей — меньшевиков и эсеров заводы еще с июля начали изменять состав совета. Под руководством партии большевиков в районе еще с конца апреля началась организация боевых дружин. Эта работа проводилась сначала тт. Штернбергом и Пече, затем Пече (апрель—июль) и прикомандированным к нему несколько позже т. Добрыниным [1].

Тов. Штернберг возглавлял первую тройку, выбранную бюро Московского комитета большевиков для организации дружин в составе Штернберга, Ведерникова и Цивцивадзе.

Августовские события — корниловщина, опасность полного поворота к старому, угроза для революции — окончательно убедили колеблющихся и отстающих.

Корниловские дни для Замоскворечья явились пробой организованности и подготовленности к действию.

Район был разбит на участки по месту действий определенных заводов. Установлены на заводах дежурства боевых рабочих дружин, налажена непрерывная связь с «большевистским комитетом».

В райкоме и Замсовете на Калужской площади были установлены бессменное дежурство и наблюдение за всеми дневными и особенно ночными передвижениями воинских сил в районе. Еще больше была усилена связь с Московским комитетом большевиков. По улицам устанавливались рабочие патрули, взяты были

---

[1] Необходимо отметить здесь ошибку, которую допускает т. Пече в своей книге «Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь». Он говорит об организации штаба Красной гвардии еще с марта (стр. 12). Это совершенно неверно. В марте и позже, до корниловских дней, мы «штаба», как такового, не имели.

под наблюдение мосты. Райкомом посылались на заводы и площади агитаторы — проверенные боевые товарищи.

Надо было быть на-чеку. На нашей стороне был 55-й полк, неразрывно и тесно связавший всю солдатскую массу с большевистским заводом Михельсона (в настоящее время завод им. Ильича). На стороне контрреволюции были пять школ прапорщиков, расположенные в Замрайоне, и Коммерческий институт—детище купечества, где была сильная контрреволюционная организация студенчества. Предприятием, являвшимся тогда темным пятном для революционного рабочего Замоскворечья—оплотом меньшевиков, была типография Сытина.

Организация Красной гвардии

Весь август, сентябрь и октябрь прошли в лихорадочной работе по подготовке к восстанию.

Уже в августе отряды внутри заводов разбиваются на десятки и сотни. Фабзавкомами выделяются специальные командиры, сотники. К моменту, когда Московский совет вынес свое решение об организации Красной гвардии, эта гвардия в Замоскворечьи уже давно существовала. Особенно важно было то, что она подчинялась не меньшевистско-эсеровскому в то время Моссовету, а райкому партии, большевистскому совету Замрайона и большевистским фабзавкомам.

Основными заводами, имевшими крепкие комячейки и завкомы и организовавшими отряды Красной гвардии, были: завод Михельсона, завод Бромлей («Красный пролетарий»), Замоскворецкий трамвайный парк (им. Апакова), «Поставщик» (завод им. Кагановича), «Густав Лист» («Красный факел»), Варшавский арматурный, Телефонный завод, городская трамвайная электростанция, электрическая станция 1886 г. (им. Смидовича), МОГЭС, Даниловская мануфактура (им. Фрунзе), «Добров и Набгольц» (им. Калинина), «Волк», «Циндель» (1-я ситценабивная), протезный завод (около Крымского моста), завод Шварцкопфа, «Мотор» и завод Демент.

Завкомы этих заводов под руководством большевистских ячеек были настолько решительны в своих действиях, а рабочая масса настолько крепко поддерживала их начинания по подготовке к восстанию, что заводская администрация ничего не смогла им противопоставить. Заводы вынуждены были даже выплачивать красногвардейцам, вызванным райсоветом в наряд, зарплату по определенной ставке.

В Красную гвардию включались лишь выдержанные, зарекомендовавшие себя рабочие. Сознавая всю важность момента, рабочие доверяли оружие лишь наиболее смелым, стойким и проверенным из своей среды. Количество красногвардейцев в отряде определялось наличием оружия. Охотников же вступить в отряд был на любом заводе избыток.

Большинство отрядов включало рабочих, не умевших обращаться с оружием. Пришлось сразу же налаживать обучение,

используя для этой цели главным образом бывших солдат, унтер-офицеров.

В мае — июле это обучение было затруднено тем, что его приходилось проводить конспиративно. Занятия происходили при закрытых ставнях в райкоме партии — в студенческой столовке на бывш. Малой Серпуховке. Но уже в августе отряды Красной гвардии на заводах обучаются вполне открыто, имея защиту в лице своих фабзавкомов.

Плохо обстояло дело с вооружением красногвардейцев, хотя были приняты все меры, чтоб достать оружие. Завод Михельсона еще в дни февральской революции организовал налет на оружие бывшего варшавского охранного отделения, которое хранилось на складах Рязано-уральской железной дороги. Захватили винтовки и револьверы. До поры до времени эти винтовки были замурованы в стенах завода. Большинство активных работников большевистской организации раздобыло револьверы. Фабрика Цинделя, обозные мастерские, телефонный завод и др. организовали поездки на оружейные заводы в Тулу и Ижевск. Имея мандат райкома партии или Замоскворецкого совета на получение оружия, они раздобыли немного винтовок и главным образом револьверы. Рабочие завода Михельсона сами принялись за выделку браунингов и гранат. Все силы были направлены на то, чтобы снабдить рабочих оружием. И все же его было очень мало. Вооружение состояло из небольшого количества винтовок или берданок, револьверов и холодного оружия. Почти не было патронов.

Нам кажется нелишним привести несколько документов, характеризующих работу большевиков на передовых предприятиях Замоскворецкого района.

Завод им. Ильича, бывш. Михельсона, был передовым предприятием Замоскворецкого района. Его влияние, его пример имели колоссальное значение для всего района.

В то время как на некоторых предприятиях Замрайона отряды Красной гвардии в корниловские дни (конец августа) только еще формируются, завод Михельсона свою Красную гвардию создал уже в апреле.

В дни корниловского мятежа рабочие-большевики завода Михельсона были особенно настойчивы в своих требованиях к меньшевистско-эсеровскому Моссовету. Вот какие решения о вооружении рабочих были приняты рабочими завода бывш. Михельсона, а также Замоскворецкого трамвайного парка, завода бывш. бр. Бромлей и завода бывш. Дементь.

Выписка из протокола заседания заводского комитета завода Михельсона 31 августа № 95.

Присутствовали: тт. Куприянов, Ванюшин, Хоркин, Мельников, Мартынов, Солянкин, Ларин, Рогачев, Пчелкин, Козлов, П. Волков, Горбачик, Фонин, Зотов, Кулагин, Асеев, Янкевиц, Казаков, Потягин и Волков Ив.

Порядок дня:

2. О депутации в совет РД.

2. Решено, ввиду тревожности момента и возможности соглашательства верхов с контрреволюцией, требовать от совета вооружить рабочих. Для этого постановлено послать в совет делегацию из шести человек. В делегацию избраны: Пчелкин, Фонин, Янкевиц, Казаков, Солянкин и Мельников.

Председатель Куприянов
Секретарь Столяров

Выписка из протокола заседания заводского комитета завода Михельсона 1 сентября № 96

Присутствуют: тт. Куприянов, Ванюшин, И. Волков, Казаков, Зотов, Асеев, Хоркин, Рогачев, Пчелкин, Козлов, Мартынов, П. Волков, Горбачик, Янкевиц, Мельников, Кулагин, Солянкин, Ермолаева, Фонин, Макаров и Потапов.

Порядок дня:

1. Доклад делегации в СРД.

1. Докладывает т. Мельников.

Когда делегация пришла в совет, ее принял Исув[1], который предлагал передать резолюцию в исполнительный комитет и тем ограничиться. Однако, по настоянию делегатов, пришедших из разных районов, исполнительный комитет должен был устроить совместное с делегатами собрание.

На заседании делегаты требовали оружия для рабочих, члены же ИК возражали. Говорили, что оружия в Москве почти нет, что рабочим его опасно доверять: 1) потому, что они не умеют с ним обращаться, и 2) потому, что это может повести к экспроприациям и погромам. В результате выбрали комиссию, которая в 3—4 дня должна разобрать вопрос. Рабочие делегаты обещали через 3 дня вернуться и повторить требование.

Тов. Солянкин дополняет доклад. Делегатов хотели успокоить известием о том, что Керенский передал командование Корнилову. Делегатам говорили, что исполнительному комитету некогда заниматься делегациями, потому что он занят «серьезными делами».

Тов. Куприянов. Послать в совет резолюцию по этим вопросам от имени общего собрания. На нем же избрать делегацию.

Решено делегацию избрать в понедельник.

Председатель ЗК Куприянов
Секретарь Столяров

---

[1] **Исув** — меньшевик. — **Ред.**

Выписка из протокола заводского комитета 13 сентября № 99

Порядок дня:

4. Доклад делегации об оружии для Красной гвардии.

4. Тов. Казаков докладывает о результатах хождения в совет рабочих депутатов относительно вооружения рабочих. Решено организовать Красную гвардию. Послан заказ на 12 тыс. винтовок, 24 пулемета и 4 млн. патронов. Рабочие согласились выполнить этот заказ на сверхурочных работах. Однако администрация этих заводов не дает сырья. Послана делегация в Петербург.

Председатель ЗК Куприянов
Секретарь Фельдман

Требование оружия рабочими Замоскворецкого трамвайного парка

МЕСТНЫЙ КОМИТЕТ
при Замоскворецком
трамвайном парке
31 августа 1917 г.

В Московский совет рабочих депутатов

Местный комитет службы подвижного состава при Замоскворецком трамвайном парке ГЖД доводит до сведения Московского совета рабочих депутатов, что мастеровые и рабочие службы подвижного состава Замоскворецкого парка ГЖД требуют организации при означенной службе «боевой дружины».

На основании вышеизложенного местный комитет службы подвижного состава Замоскворецкого парка просит Московский совет рабочих депутатов о выдаче огнестрельного оружия в количестве 75 штук для организации «боевой дружины».

Ответственность за оружие и хранение его принимает на себя президиум местного комитета службы подвижного состава при Замоскворецком парке ГЖД.

При сем прилагаем список лиц, входящих в организацию «боевой дружины» при службе подвижного состава Замоскворецкого трамвайного парка ГЖД.

Председатель Александров
Секретарь П. Иванов

Требование рабочих завода бр. Бромлей

Общее собрание рабочих завода бр. Бромлей, обсудив текущий момент, приняло решение: контрреволюционные темные силы страны во главе с генералом Корниловым объявили поход против революции и всех ее завоеваний.

Военная клика вместе с крупной буржуазией, сплотившись в одну шайку, подняли мятеж, предали Русь и свободу. Мы, представители рабочего пролетариата Москвы, всегда стоявшего на страже революции, мы, рабочие завода Бромлей, как члены одной семьи революционного пролетариата, требуем немедленно вооружить рабочих, немедленно выдать оружие для сформирования Красной гвардии рабочих как истинно революционной армии.

Председатель Леонов
Секретарь Ив. Потоловский

Москва, 31 августа 1917 г.

Постановление рабочих фабрики Демента о вооружении Красной гвардии [1]

В исполнительный комитет совета рабочих депутатов

Заявление

По постановлению общего собрания, по обсуждении о вооружении Красной гвардии, постановили избрать четырех лиц для получения оружия и патронов. Избранными единогласно оказались:

1. Сергей Петрович **Липатов.**
2. Федор Константинович **Ведехин.**
3. Федор Матвеевич **Конев.**
4. Алексей Макарович **Андреев.**

По записи в Красную гвардию записалось сорок три человека (43). Августа 30 дня 1917 г.

Председатель Афанасьев
За секретаря (подпись)

Эти выступления рабочих побудили даже меньшевиков в Моссовете принять наконец решение об организации Красной гвардии, фактически уже имевшейся на всех передовых заводах Москвы.

Однако с боевой подготовкой красногвардейцев было не блестяще. Мало было обучить стрельбе, умению обращаться с винтовкой. Дело ведь шло о подготовке кадров к восстанию, т. е. кадров, под командой которых и вокруг которых дралась бы вся рабочая масса. Между тем людей с настоящей военной подготовкой в наших рядах почти не было. Обучение проводили или бывшие солдаты и унтер-офицеры или наспех обученные рабочие. А ведь надо было разъяснить хотя бы основы боя, рассказать о тактике военных действий. Тов. П. К. Штернбергом,

[1] На подлинном имеется штамп заводского комитета, а также штамп Московского совета рабочих депутатов. В последнем помечено: «получено 3—4 (8) августа № 9900». Кроме этого помечено чернилами: «Даниловка, Духовской пер., 18—44».

Военно-революционный комитет Замоскворечья в октябрьские дни 1917 г. В середине — председатель ВРК т. **П. К. Штернберг.** Верхний ряд (слева направо) — члены ВРК тт. **Витковский К., Шиллерт Ю., Файдыш Вл.** (начальник Красной гвардии), **Цивцивадзе И.** (партруководитель). Внизу: тт. **Б. Волин, Вл. Ротшильд, И. Коссиор.**

старым боевиком, членом военно-технического бюро при МК РСДРП большевиков в 1906—1907 гг., была вручена инструкторам по подготовке, тт. Бруну и Н. Козелеву, как основное руководство «Тактика уличных боев» Вычегодского, нелегально изданная еще в те годы. Конечно немного это могло дать.

С колоссальными трудностями удавалось кое-как приводить в боевое состояние Красную гвардию. Слабы были еще наши материальные ресурсы, неопытны были бойцы. Но велика была воля к победе.

Накануне восстания

К моменту начала восстания Красная гвардия насчитывала не более 800 человек, но в период восстания вокруг этих основных кадров организовалось несколько тысяч бойцов.

Воинские силы состояли из 55-го полка, 196-й пехотной стрелковой дружины, команд выздоравливающих и двинцев. Количество солдат не превышало 4 тыс. Командование 55-го полка, зная революционность своих солдат, накануне назревавших событий сумело уменьшить состав полка путем выдачи отпусков солдатам.

Полк участвовал в восстании в количестве, не превышающем 500 человек, остальные были достаточно революционны, чтобы не итти против нас. 196-я пехотная дружина, составленная из «ополчения», «стариков» — крестьян, вооруженная к тому же берданками, насчитывала не более 120 человек.

Надо отметить, что эта дружина единственная из воинских частей пришла к нам со своим командованием. Командирами были: штабс-капитан т. Ушатский и поручик т. Богословский.

Команды выздоравливающих никакой боевой силы собой не представляли. Оружия у них не было вовсе. Использовались из них лишь отдельные единицы.

Те же части, которые сохранили оружие, например 55-й полк, дрались на нашей стороне. Офицеры все сбежали из полка, командиром был избран солдат Будзинский (большевик), вошедший было в Замоскворецкий военно-революционный комитет, но тут же ушедший для работы в Моссовет.

После него командиром был т. Рачицкий[1] и комиссаром — т. Сокол.

Солдаты 55-го полка имели с самой февральской революции своим «шефом» завод Михельсона. В полковой комитет, «нарушая правила», входили представители рабочих завода Михельсона. В то же время в завком завода Михельсона входили представители полка. Парторганизация завода провела колоссальную работу в полку. Особенно интенсивно работали большевики: тт. Стрелков, рабочий завода Михельсона, и Антонов, подпольщик, бывший ссыльнопоселенец. Немало было трудностей. Солдат под разными предлогами и без всяких предлогов задерживали без отпуска в казармах, а то и просто запирали. Однажды например пришлось собрать митинг у ворот казарм, в которых

---

[1] **Рачицкий** — прапорщик, командовал Особой московской бригадой в гражданскую войну, был убит на фронте.

заперты были солдаты. Офицеры, упорно сопротивлявшиеся общению солдат с рабочими, желая помешать солдатам слышать речи ораторов, открыли стрельбу по ораторам. Тогда возмущенная толпа разбила ворота и ворвалась в казармы. Офицеры скрылись. Солдаты не допустили, чтобы из полка было вывезено оружие.

Необходимо указать, что ведущую роль в боевых действиях во время восстания играли не обученные кадры, организованные уже в боевые единицы — солдатские части, а рабочие-красногвардейцы.

Солдаты в боях шли, как правило, позади рабочих. Это было особенно заметно во время операции у Каменного моста. Наступление велось красногвардейцами. Солдаты же только поддерживали его усиленным огнем. Так было и в других местах.

Особенно резко это проявлялось в дружине, поголовно составленной из ополченцев-«стариков». В их рядах замечались колебания, нерешительность.

Поэтому мы никак не можем согласиться с т. Владимирским, который говорит: «Рабочие Москвы участвовали в боях наряду с солдатами. Отряды Красной гвардии вливались в воинские части»[1]. Это совершенно неверно. Весь ход восстания в Москве показал, что ведущую роль здесь играл пролетариат и что его Красная гвардия шла впереди солдат. Если рабочие и «вливались в воинские части», то лишь в роли ведущей силы, а не «наряду с солдатами».

Но также несомненно, что без солдатской массы восстание удаться не могло бы. Именно переход солдат на нашу сторону, а не на сторону буржуазии определил исход восстания.

Вечером накануне восстания наш штаб дал согласие на вооружение для уже большевистского Моссовета 100 солдат-двинцев[2] при условии оставления 40 из них в районе. Вооружены они были винтовками из запаса завода Михельсона.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Накануне восстания, видимо 25 октября, я пришел в МК, в «Дрезден». Комната оказалась битком набитой солдатами — представителями большевистски настроенных частей московского гарнизона. Обсуждался важнейший вопрос — вооружение этих частей. Московские части имели оружие в недостаточном количестве.

Учитывая военную подготовку солдат, побывавших к тому же и на фронте, я тут же дал согласие на вооружение 100 человек винтовками с завода Михельсона.

---

[1] «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», стр. 276, изд. «Московский рабочий», 1927 г.

[2] **Двинцы** — солдаты Двинского полка, которые были арестованы за отказ продолжать войну и находились в заключении в Бутырской тюрьме. Под давлением рабочих масс Временное правительство было вынуждено их освободить. Часть двинцев помещалась в Замоскворечьи, в казармах на Озерковской набережной.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Несмотря на то, что Красная площадь была в руках юнкеров и шедших в Моссовет вооруженных нами двинцев встретил за Москворецким мостом огонь офицерского полка, двинцы после жаркой перестрелки прорвались к Моссовету штыковой атакой, пустив в ход имевшиеся у них гранаты.

●

К началу восстания Замоскворечье было разбито на подрайоны, центром которых явились крупные заводы.

Еще со времени корниловского выступления были взяты на учет укрепленные пункты белогвардейцев, установлен надзор за самыми высокими домами, господствовавшими над окрестностью и заселенными буржуазией. Эти дома в 5—6 этажей, а также церкви представляли серьезную угрозу для восставших.

Стратегическое положение района было выгодно для обороны, но не для наступления, предполагающего выход из района. Район окружен с трех сторон рекой. Сообщение с городом поддерживается мостами: Устьинским, Москворецким, Каменным, Краснохолмским и еще тремя «внутренними» мостами. Таким образом восставшим приходилось при выходе в центр брать мосты или затрачивать много времени и сил на продвижение кружным путем, растянув свой фронт.

Юнкера же были сосредоточены в центральной части города, опираясь при этом на такие укрепления, как Кремль, и такую возвышенность, как недавно снесенный храм спасителя. И там и тут стояли пулеметы, осыпавшие пулями Москворецкий, Каменный и Крымский мосты.

В тылу у нас кроме того находилась Рязано-уральская железная дорога, требовавшая тоже особого к себе внимания, так как по ней могло прибыть к белым подкрепление.

О находившихся в районе школах прапорщиков мы уже упоминали, но надо добавить, что одна из них, не успевшая вместе с другими выйти в центр, была нами отрезана и оставалась все время восстания у нас в тылу, создавая серьезную угрозу району. Приходилось таким образом считаться при нашем наступлении на центр и с этим врагом в тылу, тем более, что школа была вооружена до зубов.

Разведке, получению сведений обо всем, что творится в районе, было придано особое значение. Здесь серьезнейшей помощью явилось предложение Апакова — организатора Красной гвардии Замоскворецкого трамвайного парка: использовать трамвайные будки на площадях как пункты наблюдения и связи. Завком трампарка предоставил нам все возможности для этого. В этих будках установлены были сначала ночные, а затем, перед самым восстанием, и дневные наблюдательные пункты. Благодаря имевшимся там телефонам эти пункты могли тотчас же информировать штаб о всех передвижениях на площадях. Мы таким образом прослеживали любое движение противника. Завод Михельсона передает: «Рота юнкеров с винтовками вышла из казарм». Через некоторое время пункт Серпуховской площади со-

общает: «Юнкерская часть — столько-то штыков — прошла в центр по Полянке...»

В ночное время в эти же пункты заходили и специальные патрули, посылаемые нами по району для разведки и охраны района. Милиция бездействовала. Составленная из инвалидов, она неспособна была бороться с бандитизмом. Вся ее роль в этот период сводилась к тому, что ее «по мере надобности» разоружали, вооружая отнятым оружием красногвардейцев.

Серьезнейшим подспорьем явилось привлечение в дни восстания к разведке части солдат-мотоциклистов — «самокатчиков», как мы их тогда называли. Перейдя в наше распоряжение, они производили разведку на большие расстояния (так например было при очередном слухе о движении казаков на Москву со стороны Калужской заставы), прорывались они к Моссовету, связывали нас и с Остоженкой и с заводами.

Как видим, наши силы перед восстанием были невелики. Но наш расчет на массу, на готовность рабочих драться за свое будущее был правилен. Оправдался и расчет на то, что основные кадры Красной гвардии сумеют добыть оружие и тем самым сумеют расширить масштаб восстания.

Надо отметить, что после объявления 26 октября всеобщей забастовки со всех почти заводов в Замсовет потянулись делегации, требовавшие оружия. Требования облекались подчас в очень резкую форму. Рабочая масса обвиняла совет в «халатности», в том, что он «не подготовился»... Указывалось на то, что есть бойцы, что следовательно нужно их вооружить.

Оружие было добыто. В восстании участвовали уже не сотни красногвардейцев, а тысячи.

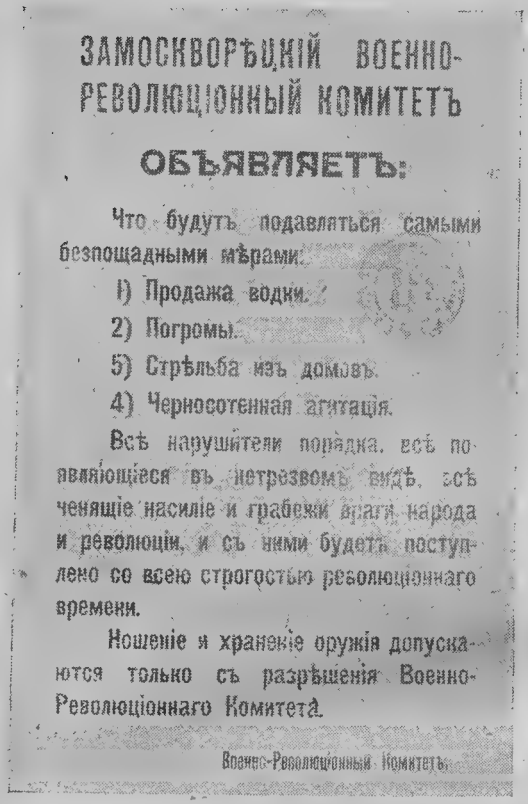
Накануне восстания, 25 октября, на собрании всех командиров «сотен» красногвардейских отрядов Замоскворечья был избран оперативный штаб Красной гвардии. Собрание происходило в помещении Замсовета. Оно было открыто представителем Замрайона большевиков (Файдышем) и представителем совета рабочих депутатов.

Штаб был избран в составе: Вл. Файдыш — начальник штаба; члены: Брун, Микуцкий, Викман, Биксон и Томашевский.

Настроение рабочей массы было решительное. Требовали действия. Поэтому крайне раздражала задержка директивы московского центра о переходе в наступление.

Рабочие Замоскворечья, на глазах которых происходила перевозка юнкерами оружия и патронов в центр, которые видели, как белогвардейские силы стягиваются к центру, были очень озабочены этим. Центр же продолжал вести переговоры. Посланная 27 октября райкомом партии специальная делегация — И. Коссиор, Пан (Кржеминский), Файдыш и др. — с поручением настаивать на выступлении против юнкеров получила директиву: «Пока готовиться, но не выступать». Это было выполнено. Но ни делегация, ни райком не сочли эту директиву правильной.

Особенно настаивал на выступлении завод Михельсона.



ЗАМОСКВОРѢЦКІЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ

ОБЪЯВЛЯЕТЪ:

Что будутъ подавляться самыми безпощадными мѣрами:

1) Продажа водки.
2) Погромы.
3) Стрѣльба изъ домовъ.
4) Черносотенная агитація.

Всѣ нарушители порядка, всѣ появляющіеся въ нетрезвомъ видѣ, всѣ чинящіе насиліе и грабежи врага народа и революціи, и съ ними будетъ поступлено со всею строгостью революціоннаго времени.

Ношеніе и храненіе оружія допускаются только съ разрѣшенія Военно-Революціоннаго Комитета.

Военно-Революціонный Комитетъ.

Один из приказов Замоскворецкого военно-революционного комитета, изданный в самом начале октябрьского восстания.

25 октября райком партии намечает состав военно-революционного комитета, а 26 октября экстренно собравшийся президиум исполкома Замсовета в составе Иосифа Коссиора (председатель), Ильи Цивцивадзе (партруководитель, член бюро МК), Семенова (рабочий телефонного завода), Витковского (электростанция), Шиллерта, Файдыша и Вл. Ротшильда избирает военно-революционный комитет, которому передает всю полноту власти в районе.

В военно-революционный комитет вошли: И. Коссиор (председатель), Ю. Шиллерт, Вл. Файдыш (начальник Красной гвардии), Витковский К.; Будзинский (выборный командир 55-го полка) был кооптирован, но в районе не остался, ушел в Моссовет.

На третий день восстания, 28 октября, состав ВРК пополняется еще следующими товарищами: Штернбергом П. К. (фактически он становится его председателем и руководителем), Б. Волиным, Ильей Цивцивадзе и Вл. Ротшильдом. В этом расширенном составе ВРК проводит работу во все время восстания.

Двое рабочих, введенные как представители меньшевиков и эсеров, ни на одном заседании не присутствовали.

ВРК таким образом включал в себя исключительно большевиков. В это время весь райком партии был или в ВРК или в активе. Партия непосредственно руководила боевыми действиями. Роль ВРК была огромна. Это был подлинный коллективный руководитель восстания.

Штаб жил лихорадочной жизнью. В первые дни восстания не спали вовсе. Строгого распределения обязанностей не существовало. Но сразу было твердо установлено, что боевые операции проходят через начальника Красной гвардии, как и вопросы, связанные с вооружением, формированием новых отрядов и т. п. Штаб же Красной гвардии по сути ликвидировался, члены штаба принимали участие в боях, командуя отдельными отрядами.

ВРК пришлось разрешать самые разнообразные вопросы. Тут и перемирие, и вопросы продовольствия, и охрана спирто-водочных складов, и разбор дела о шпионаже, и борьба с бандитизмом... Все это приходилось разрешать в экстренном порядке.

Несомненно, что один ВРК не смог бы одолеть всех этих дел без помощи всей районной партийной организации и в частности актива, которому поручались и обыски, и организация милиции, и реквизиция продуктов и автомобилей, и следственные дела, наконец отдельные боевые задания.

В этот актив входили: тт. Вл. Ротшильд, принимавший участие в работах ВРК и в боевых операциях, Мышкин, П. Арутюнянц, Сычев Ник., Борисов-Гуревич, Островитянов К., Марьин, Л. Люсинова, Наджарова, Семенов, Е. Герцовская, Эйнштейн, Дьяконов, Кравчук Ольга и Валентина, А. Калинин, Н. Г. Соколова и др. Сюда же надо отнести и инженера электростанции 1886 г. (им. Смидовича) т. Бренера, не входившего еще в то время в партию, рекомендованного райкому для использования т. Смидовичем еще во время кампании по выборам в районные думы. Тов. Бренер оказался ценнейшим работником, при его помощи был например осуществлен план лишения света учреждений и штабов юнкеров или освещения их позиций и затемнения наших, сообразуясь с боевым моментом. Выполнял он самые различные поручения. Позже он вступил в партию, был членом Замоскворецкого совета. Умер в годы гражданской войны.

Во все время боев партийная организация большевиков проявила колоссальную энергию. Мало того, что ею полностью осуществлялось руководство ВРК, — она сумела развернуть и массовую политическую работу.

Издавался специальный «бюллетень», информировавший рабочее население о происходящих событиях. Созывались митинги на заводах, велись беседы даже в очередях за продовольствием.

Во время боевых действий ВРК необходимо было обратить особое внимание на снабжение населения продовольствием. Существовавшие для этого учреждения не работали, да мы и не могли позволить им работать, ибо они обслуживали бы не рабо-

чих, а юнкеров. Поэтому райкомом была создана при ВРК специальная продовольственная комиссия. Председателями ее были т. Семенов, затем т. Витковский и др. Эта комиссия была вынуждена снабжать продовольствием, в первую очередь хлебом, не только Замоскворечье, но и весь город. Помнится, с каким трудом мы перебрасывали продовольствие к Моссовету, уже отрезанному тогда от района и голодавшему.

Вся эта работа проводилась в самой теснейшей связи с ВРК. При последнем была организована комиссия, называвшаяся то юридической, то следственной, куда доставлялись арестованные за различные преступления, начиная с контрреволюционных выступлений, шпионажа и кончая бандитизмом, воровством. Сначала во главе комиссии стоял Петр Арутюнянц, а затем Дьяконов. Комиссия являлась по сути дела военным трибуналом. Ее решения утверждались ВРК.

Партийная организация проводила серьезную работу с фабзавкомами и заводскими партийными ячейками. Через них информировалась рабочая масса о происходящих событиях, они организовали отряды красногвардейцев, формировали подкрепления, которые посылались по экстренному вызову штаба, охраняли завод, брошенный владельцами. Члены ячеек и завкомов сами превращались в красногвардейцев, когда приходилось с оружием в руках выходить против отряда юнкеров, драться с грабителями, расхищавшими заводское имущество.

Особо надо упомянуть из товарищей, не входивших в руководящие органы восстания в районе, следующих руководителей и организаторов Красной гвардии:

Апаков — командир Красной гвардии Замоскворецкого трамвайного парка (убит в годы гражданской войны).

Добрынин — рабочий телефонного завода, командир отряда, действовавшего на Остоженке, где и был убит.

Брун — командир отряда и член штаба Красной гвардии.

Пан (Кржеминский) — командир отряда Красной гвардии завода Михельсона и командир операций у Каменного моста.

Федоров — командир отряда Красной гвардии завода Густава Листа.

Леваков — командир Красной гвардии завода «Поставщик».

Лютке — командир отряда завода Шварцкопфа.

Арутюнянц Петр, Мышкин — командиры, назначенные на Остоженку после смерти т. Добрынина.

Сычев Николай — выполнявший отдельные боевые задания и организовавший разведку.

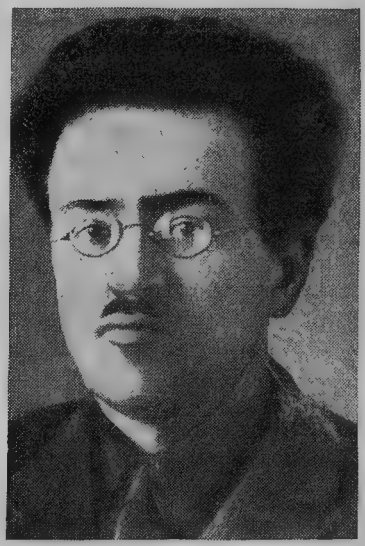
Стрелков — рабочий завода Михельсона, прикрепленный к 55-му полку, его политический руководитель.

Антонов, Алексеев, Рачицкий — из 55-го полка.

Это было опорное ядро парторганизации Замоскворечья.

Восстание

Первые сообщения об особенном оживлении у юнкеров райком и штаб получили 23 или 24 октября от рабочих завода Михельсона и от солдат 55-го полка. Юнкера начали отправлять в центр — в автомобилях и даже на извозчиках — ящики с па-



А. И. Гуревич-Борисов — секретарь Замрайкома ВКП(б), июль — октябрь 1917 г. В настоящее время зам. наркомтяжпрома. Член ВКП(б) с 1916 г.

тронами и пулеметами. Постепенно часть за частью уходили в центр, к манежу.

Только когда уже юнкера сами приступили к боевым операциям, когда Руднев[1] успел раздать значительное количество винтовок, револьверов и патронов «домовым комитетам» и те организовали специальные офицерские домовые «охраны», — только после этого начались ответные выступления рабочих Замоскворечья.

Настоящее же выступление было начато лишь после получения телефонограммы от московской партийной «пятерки» и ВРК о разрыве переговоров и необходимости немедленного открытия боевых действий.

Первая стычка нашего небольшого отряда с вооруженным отрядом студентов Коммерческого института произошла около Серпуховской площади. Схватка кончилась победой нашего отряда.

Коммерческий институт был штабом белогвардейцев в нашем районе. Эта схватка ускорила ликвидацию этого штаба. После нее отряд красногвардейцев и рота солдат 55-го полка выбили белых и заняли институт.

Тут же приступлено было к разоружению домовых охран и к захвату их оружия.

Разоружать приходилось иной раз целым отрядом, причем часто велся форменный бой с офицерской охраной. Но большей частью, особенно на третий-четвертый день восстания, когда

[1] Городской голова, эсер.

преобладание в районе было уже явно на нашей стороне, разоружение и обыски производили один-два вооруженных красногвардейца с мандатом и несколько рабочих, не имевших еще оружия и только искавших его.

Кроме обнаружения этих «охран» по раздававшимся выстрелам обыски намечались и по сообщениям рабочих, живших в «охраняемых» домах, а часто по сообщениям «прислуги». Эти сведения доставлялись или в ВРК, или в один из заводских штабов Красной гвардии.

26 октября, получив сведения о том, что в складе при команде выздоравливающих имеется оружие, ВРК послал «пробный» приказ начальнику склада сдать оружие и автомобиль для его вывозки. В ВРК явился весьма взволнованный капитан, пытавшийся несвязно доказать, что он «не имеет права» сдать оружие.

Ему заявили: «Отвечает военно-революционный комитет. Не сдадите — будете арестованы». Тогда он подчинился. Тотчас вывезли около 200 берданок и патронов к ним.

На четвертый день восстания штабу Красной гвардии пришлось выделить специально для работы по учету оружия и его выдаче одного из членов штаба — т. Викмана. К концу восстания существовал уже целый арсенал оружия, размещенный в занятом для этой цели кинематографе «Великан», около Серпуховской площади. Там хранились винтовки, патроны, гранаты, взрывчатые вещества и вообще все, что нами реквизировалось.

Кто был в те дни в Замоскворечьи, помнит, как гремели выстрелами Полянка, Пятницкая, Ордынка у Серпуховской площади, как постреливала Якиманка — у Калужской. Нельзя было показаться в местах, где господствовали замоскворецкие «небоскребы», без того, чтобы тебя не обстреляли, если ты похож на рабочего или был вооружен. Необходимо было очистить район от белых. Трудная это была задача. Район в первые два дня был как бы разделен на две части линией движения юнкеров на автомобилях от центра к школам — Полянка, Серпуховка. Мы были вынуждены перерыть окопом Коровий вал и Мытную улицу (около Замсовета), чтобы не допустить налета на штаб. В два дня закончило Замоскворечье операцию обеспечения за собой района.

Посланный вечером 27-го на электростанцию к Малому Каменному мосту соединенный отряд михельсоновцев и других красногвардейцев под командой Пана (Кржеминского) сумел дать отпор автомобилям юнкеров, в стычке понеся потери. Действия отрядов «Густава Листа» с Федоровым и электростанции 1886 г. (МОГЭС) не дали возможности юнкерам использовать путь через Москворецкий мост. Им пока оставался лишь Устьинский мост, которым они и пользовались для налетов в Симоново, к пороховым складам, где хранились патроны.

У Крымского моста действовал Варшавский арматурный завод и залег отряд т. Бруна.

В эти дни связь с МВРК поддерживалась регулярно. Ра-

П. Добрынин — рабочий телефонного завода. Командир отряда Красной гвардии на Остоженке. Убит в октябрьских боях. Член ВКП(б).

ботал телефон. Мы и сами еще пробирались туда. Затем была налажена связь при помощи женщин, которым удавалось сквозь пикеты юнкеров пробираться с донесениями. Здесь работали: Катя Карманова, Зина Васильева, Шура Алексеева, Легонькая.

МВРК в те дни приходилось трудно. Допустив концентрацию юнкерских сил в центральной части города, сам находясь в этом же центре, он сразу же был отрезан от районов. Наши попытки бросить отряды ему на поддержку не могли дать серьезных результатов из-за слабого их вооружения, а порой и отсутствия у них всякого оружия. Остальные же районы были в этом отношении еще в менее благоприятном положении, чем Замоскворечье.

На третий день восстания штаб получил приказ Моссовета выступить ночью, в 2 часа, «по пушечному выстрелу» на выручку Моссовета. Приказ был дан всем районам. Обозначал он требование перехода от обороны к наступлению на основные силы противника.

Так и был понят этот приказ военно-революционным комитетом Замоскворечья. Пушечного выстрела мы не слыхали, а примерно около 4—5 час. утра 28 октября двинулись в наступление.

Велось наступление по разработанному накануне плану. Предполагалось захватить штаб Московского военного округа (Пречистенка) и Александровское военное училище (Знаменка), затем соединенными силами наступать дальше.

Наступление начато было по двум линиям: по Крымскому валу, Остоженке и по Полянке и Каменному мосту.

Часть, состоявшая из солдат 55-го полка и Красной гвардии, которая наступала на Александровское военное училище, была остановлена в самом начале. Большой Каменный мост оказался непроходимым. Пулеметы, поставленные на кремлевской стене, на храме спасителя, и оружейный огонь по мосту делали невозможным наступление по этому пути. Пришлось закрепляться на набережных (Берсеневской и Софийской), у Соляного городка и «Густава Листа».

Более удачным было наступление другой части. Ей удалось продвинуться через Крымский мост, через всю Остоженку—до самого почти штаба. Сильно мешало здесь отсутствие у нас патронов и оружия. Первая группа имела в своем составе вооруженных винтовками солдат 55-го полка, здесь была лишь 196-я пехотная дружина, вооруженная к тому же берданками. Из красногвардейцев лишь михельсоновцы имели небольшое количество винтовок. Остальные были вооружены револьверами. Произведенной перед наступлением проверкой было установлено, что на винтовку приходилось лишь по одному патрону, а на берданку — по пяти патронов. О пулеметах и говорить не приходилось: их не было ни у Красной гвардии, ни у солдатских частей. В состав этого отряда входило около 200 человек.

Таковы были те авангардные силы, с которыми восставшие рабочие Замоскворечья перешли в наступление.

Со стороны же юнкеров против нас дрались обученные кадры, вооруженные винтовками и пулеметами, снабженные значительным количеством патронов.

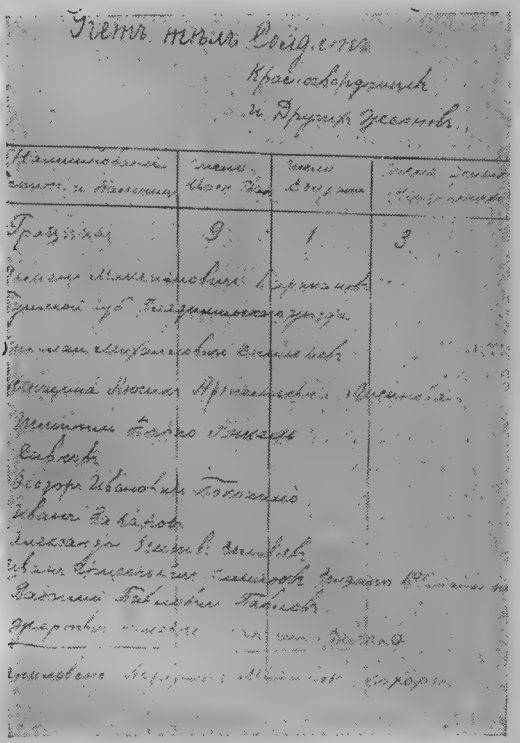
Остоженка вся гремела выстрелами. Стреляли из форточек, из завешенных окон, с чердаков и крыш. Стреляли из пулеметов вдоль всей улицы.

Здесь еще раз после 1905 г. кривые улицы сослужили свою службу. Благодаря кривизне Остоженки можно было наступать под пулеметным огнем, который осыпал только левую сторону улицы. Заплатили жизнью за эту науку несколько рабочих: бросившись вперед левой стороной, они тут же были изрешетены пулями. У угла Корабельникова переулка Остоженка дает поворот, и не знавшие этого рабочие, шедшие впереди колонны, пали. Дальше наступать было нельзя.

Наступление было приостановлено. Было решено закрепиться на занятой позиции, занять окрестные дома, действовать в переулках, постепенно окружая белогвардейский штаб. Командование позицией было поручено т. Добрынину.

Остоженские позиции были наиболее боевым участком на фронте Замоскворечья. Там никогда нельзя было быть уверенным, что не получишь пули в затылок, там нельзя было стать на улице, не обеспечив себя прикрытием.

Этот участок стоил многих жертв восставшим рабочим. Здесь сначала был ранен в руку, а затем пулей в живот был убит т. Добрынин. Здесь была убита Л. Люсинова, один из секретарей ВРК. Здесь в один день выбыло из строя ранеными и убитыми 225 замоскворецких красногвардейцев.



Список убитых в октябрьские дни, составленный в Даниловском лазарете. В списке — Л. Дюсинова.

Уличный бой в городе тем и отличается от полевого боя, что на улице враг может притаиться всюду — от подвала до чердака. Остоженка, Пречистенка с их переулками — кварталы крупной и мелкой буржуазии, столбового дворянства и чиновников, зажиточной интеллигенции: адвокатов, врачей и т. п. Здесь почти в каждом доме были вооруженные охраны, связанные сигнализацией друг с другом и со штабом белогвардейцев. Вот почему, уже заняв Остоженку, мы все-таки продолжали здесь драться с «незримым» врагом.

Чтобы твердо закрепиться здесь, чтобы предохранить себя от выстрелов с тыла, красногвардейские отряды на второй же день принялись за обыски в домах. Однако кроме небольшого количества старого, негодного оружия ничего добыть не удалось. Белые умели приходить и уходить через задние дворы, вновь проникая на старые позиции ночью и сызнова расстреливая красногвардейцев в спину.

Именно поэтому Остоженка вырвала многих бойцов из наших рядов. Ни тотчас по прекращении боев, ни позже мы не могли составить полного списка убитых и выяснить всех раненых красногвардейцев.

Занятие Остоженки было большим делом: самый факт на-

шего продвижения к центру был ценен тем, что противник был вынужден снять часть своих сил с других мест, где он развивал наступательную тактику, и задержать их здесь, на обороне.

Необходимо отметить, что Остоженка в эти дни уже раз была занята отрядами Хамовнического района, но эти отряды были оттеснены белыми сначала до Всеволжского переулка, где Красной гвардией было устроено нечто вроде баррикады, а затем и далее — на Крымскую площадь. Нашему району таким образом приходилось брать Остоженку вновь.

Крымский мост был занят нами 27-го вечером.

28 октября мы занимаем лицей, интендантские продовольственные склады, Крымскую площадь и часть Зубовского бульвара. Выходим по Остоженке до Корабельникова переулка. Закрепляемся здесь, роем окоп.

Юнкера отступив заняли на Остоженке и Пречистенке подвалы, чердаки, установили пулеметы на колокольнях церквей «троицы», «воскресенья», на пожарной каланче и на башне Зачатьевского монастыря. Из этих пулеметов они обстреливали наступавшие отряды Красной гвардии.

Продвижение наших частей стало крайне затруднительным. Тогда районный штаб решил перегруппировать силы. Часть отрядов с т. Добрыниным направляется для захвата Зачатьевского монастыря и окружающих его переулков, другая — действует на Остоженке и в переулках, выходящих на Пречистенку. Цель этих действий — охват штаба МВО.

В Полуектовом переулке красногвардейцы приостанавливаются, занимают дома, чердаки.

29 октября после полудня отряды снова переходят в наступление.

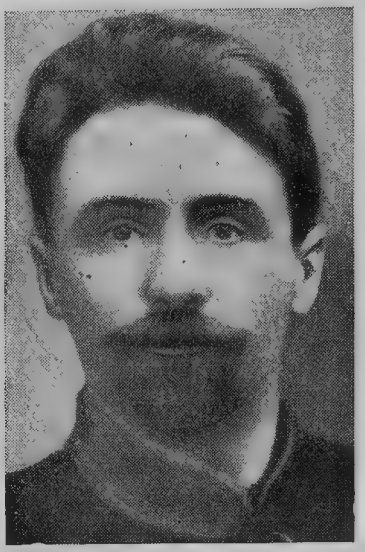
Юнкера отвечают контрнаступлением, но оно отбивается.

Красная гвардия занимает позиции, укрепляется на Пречистенке, на углу Штатного переулка.

30 октября юнкера вновь переходят в наступление со стороны Большого и Малого Левшинского переулков. Помимо пехоты они бросают против нас и отряд кавалерии. Мы отвечаем контрнаступлением; в этой операции принимает участие около полуроты солдат 193-го пехотного полка, помещавшихся в Хамовнических казармах. Атака юнкеров была отбита. В этот же день Московским военно-революционным комитетом было объявлено перемирие, чтобы договориться с белыми о прекращении военных действий.

Красногвардейцами и Замоскворецким ВРК перемирие было принято с недоверием. Они опасались потерять захваченные с таким трудом позиции. Это настроение отразилось и в приказе ВРК, где, предполагая прекратить стрельбу, одновременно приказывалось закрепляться на занятых позициях.

Как мы и предполагали, перемирие было всего лишь маневром со стороны юнкеров; они его использовали для развед-



Я. Пече —
первый из организаторов Красной гвардии Замоскворечья, член комиссии по организации Красной гвардии при Московском комитете партии большевиков в 1917 г. Начальник московского штаба Красной гвардии в 1918 г.

ки наших позиций и для шпионской работы в глубоком нашем тылу.

Это «перемирие» дало возможность ВРК глубже вдуматься в создавшуюся обстановку. Прежде всего обнаружилось наше крайнее недовольство медлительностью нашего наступления, что усиливало сопротивление юнкеров.

Не имея руководства со стороны Московского военно-революционного комитета, окруженного со всех сторон юнкерами, наш комитет решает самостоятельно связаться с Питером. Командируем т. Борисова (Гуревича), секретаря райкома партии, к Ленину. Снабжаем его при содействии Н. И. Бухарина, находившегося в дни восстания у нас в районе, необходимыми документами. Борисов уезжает в Ленинград, увозя нашу просьбу о присылке достаточно хорошо вооруженных отрядов.

Поручение им было выполнено, но из-за отказа Викжеля отряды не могли быть переброшены.

Одновременно с посылкой Борисова в Ленинград был поставлен в ВРК и положительно решен вопрос о возможности применения в Москве артиллерии.

Мы строго придерживались положения: «отнюдь не обороняться в восстании, но наступать и наступать». Мы понимали, что дорога каждая минута, и ясно сознавали, что темп развития восстания недостаточен.

Поэтому наши отряды, выйдя на Остоженку, не засели в окопы, а все время неуклонно двигались вперед, захватывая участок за участком.

Уже через два дня был занят Зачатьевский женский монастырь, с колоколен которого юнкера вели обстрел дворов, где

располагались красногвардейцы. Повидимому выстрелами оттуда был убит и т. Добрынин.

Наконец мы добываем первый пулемет. Ночью отправляемся устанавливать его на Зачатьевский монастырь.

При входе во двор, около маленькой калиточки — Федор Смирнов, командир отряда Красной гвардии завода «Поставщик». С ним идут солдат-пулеметчик и несколько красногвардейцев. Стараемся двигаться как можно тише. На стук отпирает дверь напуганная монашенка. Ищем место, откуда лучше начать обстрел юнкеров, обстрел тех окон, откуда так рьяно стреляют по нас.

Останавливаем выбор на амбразуре одного окна, выходящего к храму спасителя, в комнате, повидимому служившей иконописной.

Закрываем иконами окно до утра, оставляем там пулеметчика и охрану из красногвардейцев и тихо уходим. На утро пулемет уже действует. Его работа сразу чувствуется бойцами: пришло долгожданное подкрепление.

С самого начала командиром остоженских позиций был назначен т. Добрынин, большевик, молодой рабочий-слесарь телефонного завода. Задолго до восстания он был придан райкомом в помощь тт. Пече, Штернбергу и Файдышу в качестве энергичного помощника по организации Красной гвардии. Таким он все время и оставался. На остоженских позициях он, никогда не обучавшийся военному делу, стал душой военных действий, главным организатором и командиром отрядов.

После его смерти командование перешло к П. Арутюнянцу и Мышкину, активным партработникам Замоскворечья. Оба — еще учащиеся, оба без всякого опыта в военном деле. Тем не менее они оказались способными продолжать и расширить сферу действия здешних отрядов.

Следует упомянуть, что один из снарядов, пущенных в ход артиллерией, попал в дом в Мансуровском переулке, пробил крышу и разорвался в кабинете генерала Брусилова, ранив его в ногу. Ни наш штаб, ни отдельные красногвардейцы не знали, что в самой боевой зоне проживал известный царский генерал. Так плохо еще был обследован нами этот участок.

Необходимо было неустанно защищать тыл остоженских отрядов, не дать возможности противнику отрезать их от Замоскворечья, поддерживать постоянную, непрерывную связь с ними.

Для этого нами была установлена в ночное время линия из часовых-одиночек, стоявших, ходивших или скрывавшихся в воротах, переулках, выходящих на Крымскую набережную. Это было не так-то легко организовать. Красная гвардия не была достаточно дисциплинирована, в нее к тому же включилось много рабочих, не знавших военного дела. Поэтому часовые часто не сознавали всей ответственности своего поста, некоторые просто уходили, цепь прорывалась. Белые могли тогда свободно проникнуть через этот прорыв, зайти в тыл остоженским отря-

Семенов —
рабочий телефонного завода, член райкома большевиков многих составов, активный работник военно-революционного комитета. В настоящее время — на ответственной хозяйственной работе.

дам. Приходилось поэтому ночью лично проверять патрули, положение отдельных отрядов, давать указания, часто по мелочам, но таким мелочам, от которых зависела жизнь целого отряда.

Нельзя забыть и той «чайнушки», которая помещалась около окопа и где развернул остоженский отряд Красной гвардии свой штаб. Здесь замышлялись боевые операции, сюда стекались донесения, сюда заходил греться и отдохнуть уставший боец, сюда приходили пополнения и смены.

В чайнушке — табачный дым, мясные консервы (кстати, сослужившие большую службу и весьма памятные всем участникам восстания). Входят и выходят красногвардейцы — то озлобленные, то веселые... шум от говора. Всегда приподнятое настроение. Всегда здесь чувствовалось оживление, энтузиазм. Сюда, случалось, заходили «поглядеть» рабочие, еще колебавшиеся, принять или не принять участие в боях... Не было случая, чтобы эти колебания не заканчивались вступлением в отряд, особенно если во время этого посещения раздавался призыв: «Все на позицию, юнкера наступают!» Вместо колебаний — винтовка в руке. И новый красногвардеец уже в окопе, на крыше, за углом!

Большую роль сыграли здесь и личные качества сначала Добрынина, а затем Мышкина — большевиков, всегда связанных с массой, знавших ее и умевших в нужную минуту ободрить и словом и делом.

Примерно к концу третьего дня восстания стало прибывать оружие. Прорвался из центра т. Пече, привезший сведения о вагоне с оружием на Рязано-уральской железной дороге. Тот же Пече вновь доставляет пулеметы.

К тому времени в районе наладился транспорт. Трамвайный парк посылает к вокзалу за оружием трамвай. Вагон мчится с

самой большой скоростью. Под лавкой вагона находится т. Колосков. По трамваю стреляют, но он доставляет оружие. Пробует силы и «бронированный» вагон — изобретение Замоскворецкого трамвайного парка; он пытается прорваться через Каменный мост.

Появляется в остоженском окопе и бомбомет, на котором красногвардейцы впервые учились метать бомбы. По сути дела он действовал устрашающе лишь гулом от разрыва бомб. Тем не менее бомбомет не дал юнкерам возможности ни разу взять окоп.

Налаживаются действия сменных частей. Красная гвардия вырастает уже до нескольких тысяч человек. Оружие передается от смены к смене.

Большие затруднения испытывала Красная гвардия из-за отсутствия своих лазаретов, врачей. Размещенные на Остоженке военные лазареты принимали наших раненых только после угрозы применения к персоналу суровых мер воздействия. Уход в больницах тоже не был обеспечен.

Необходимость организации своих санитарных отрядов стала очевидной еще задолго до восстания. Организация же их была осуществлена уже по постановлению ВРК.

Организация этого дела была поручена т. А. Калинину — рабочему обозных мастерских, развернувшему свой штаб в кафе-ресторане «Франция» на Серпуховской площади. Его помощниками по организации санотрядов были: Катя Карманова, Мария Кизельштейн, Азарх, Юдина и А. С. Афанасьева. Привлечен был и активно работал студент-медик т. Тайц. Активно работали и Сковно, А. Радионова с завода «Поставщик» и Полина Замогильная.

Санитарных отрядов было до 20 и работало в них около 200 человек.

Санотряды были прикреплены к боевым участкам (Остоженка, Каменный мост и т. д.), пункты-базы находились на Серпуховской площади и у Калужских ворот.

Основными организаторами заводских санотрядов были фабрики и заводы: «Брокар», «Симоно», «Поставщик» (организатор — т. Сковно, работница-швейница), «Циндель», Даниловская мануфактура и др.

Особенно интенсивно работал санитарный отряд на Остоженке. Его организатором и руководителем была Леля Кравчук; здесь работала и ее сестра — В. Кравчук. Их хорошо должны помнить бойцы остоженских позиций. Товарищи из этого отряда не только подбирали раненых, но занимались — и, пожалуй, главным образом — доставкой в окопы патронов, бомб и гранат. Входила в этот отряд еще и Зинаида Васильева.

Санитарная часть имела свой автотранспорт из машин, реквизированных т. Эйнштейном у буржуазии, и из санитарных трамвайных вагонов. Медикаменты, перевязочные средства были взяты из аптек.

П. Арутюнянц — студент Коммерческого института. Комиссар отрядов на Остоженке. Член ВКП(б) с 1914 г. В настоящее время управляющий Сталиногорским химическим комбинатом.

С самого начала восстания рабочие в поисках артиллерии неоднократно указывали на орудия, наведенные на Замоскворечье, стоявшие по другую сторону Москва-реки, около так называемых Бутиковских казарм.

Я и Дебюсси[1] отправились для выяснения положения.

Выяснилось, во-первых, что все артиллеристы на стороне советов, во-вторых, что хамовнический штаб не связался с ними и не использовал их, в-третьих, что у них нет никакого оружия кроме орудий, в-четвертых, что к орудиям нет снарядов (их предусмотрительно загодя увезли) и наконец, в-пятых, что никто из этих орудий стрелять не умеет, так как инструкторы — французские офицеры — скрылись, солдаты же не научились обращаться с орудиями. Орудия были тяжелые, осадные, 155-миллиметровые, французские.

Это не обескуражило наш штаб. Два орудия были вывезены на заводских лошадях с веревочными постромками, все время лопавшимися. Одно из них было поставлено на набережную правого берега, другое — сначала на Калужскую площадь, а потом в Александровские казармы.

Орудия были пущены в ход. Правда, пришлось два раза съездить на автомобиле, прорываясь через юнкерские отряды, в Мызу Раево за снарядами, причем в первый раз привезли снаряды не те, что нужно было. Не французским инструкторам пришлось

[1] Временно был избран командиром 55-го полка, но тотчас же снят, как пьяница и авантюрист.

эти орудия наводить, а профессору астрономии П. К. Штернбергу и гражданскому инженеру Гопиусу вместе с бородатым бригадиром-наводчиком из Бутиковских казарм.

Стоит отметить самый процесс этой наводки. Прежде всего мы с наводчиком отправились на колокольню Зачатьевского монастыря. Там я ему указал крышу штаба МВО, вместе с ним проследили глазом всю линию крыш до Москва-реки. Я помог ему запомнить наиболее характерные крыши и трубы различных зданий. Кстати сказать, прицельной трубки на орудии не было. Да и пользоваться приборами, если бы они и были, наш артиллерист не умел.

Ожидать результата я остался на Остоженке. Через некоторое время раздался гул от разрыва снаряда. И мы с Петром Арутюнянцем увидели лакеев и горничных, выбежавших из особняка, у которого мы как раз остановились. Они кричали: «Генерала Брусилова ранило!» Стало ясно, что прицел был взят левее штаба МВО, разорвался снаряд в Мансуровском переулке.

Ночью, уже на четвертый или пятый день восстания, центром была прислана к нам тяжелая батарея «С» под руководством старого большевика — рабочего т. Блохина и под командой двух офицеров. Прибытие батареи еще более подняло настроение в штабе. Быстро сговорившись по «принципиальным» вопросам, штаб выделил Илью (Цивцивадзе) для пробного сговора с батареей. На следующий день с Воробьевых гор ею был начат обстрел юнкерских позиций и Кремля.

Надо отметить ту поддержку, которую к концу восстания оказали Красной гвардии артиллерийские части — батареи, расположившиеся на Хамовническом плацу.

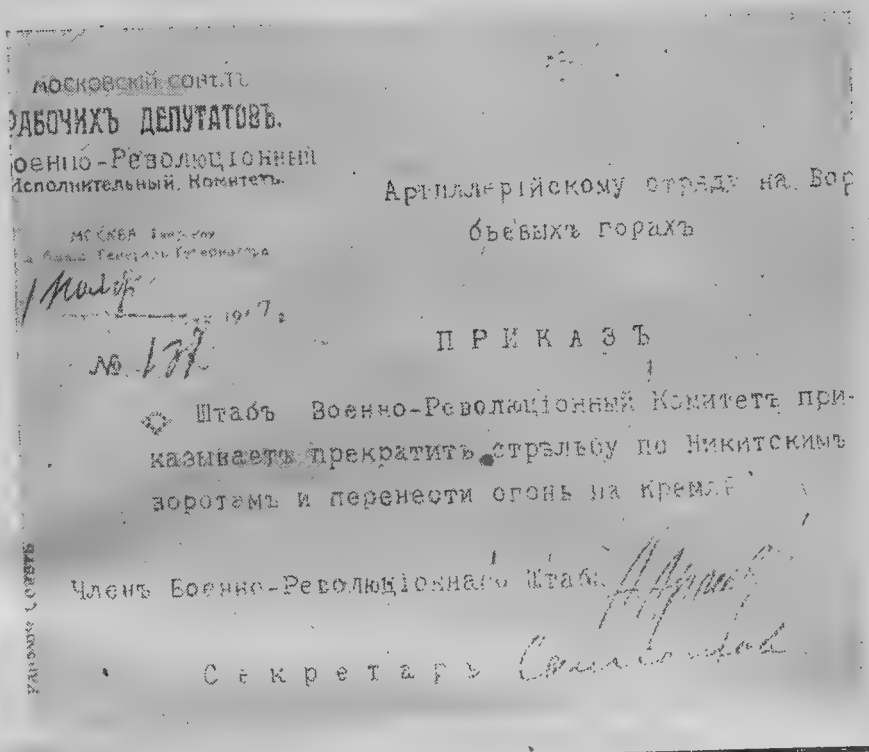
Несомненно, что с меньшими потерями и в значительно более короткое время можно было бы покончить с юнкерами, если бы артиллерия была пущена в ход раньше.

Вспоминается, как мы с Дебюсси из Бутиковских казарм отправились в Ростовские (Хамовнические) казармы. Часовой у ворот довольно доброжелательно оглядывает солдатские погоны Дебюсси, но весьма отрицательно посматривает на мое штатское одеяние. Наконец он вызывает караульного начальника. Тот — тоже солдат — узнав, что я член Замоскворецкого ВРК и имею поручение от последнего говорить с полком, немедленно ведет нас в казармы.

Входим в громадную спальню с нарами, битком набитую солдатами. Шел митинг. Узнав, что мы от ВРК, нас встретили громом аплодисментов и криками «ура».

Я говорю, что солдаты не могут сидеть в казармах, когда рабочие дерутся на улицах, говорю, что партия большевиков и Замсовет призывают их активно поддержать нас. Это обращение принимается очень хорошо. Полк постановляет поддержать нас на Остоженке.

Обстрел противника артиллерией сильно помог нам. В Замоскворечьи нам прощали и то, что снаряды частенько попадали в места расположения наших отрядов. Понимали, что опыт-



Московский совѣтъ
рабочихъ депутатовъ.
Военно-Революціонный
Исполнительный Комитетъ.

Артиллерійскому отряду на Бор
бьевыхъ горахъ

ПРИКАЗЪ

Штабъ Военно-Революціонный Комитетъ при-
казываетъ прекратить стрельбу по Никитскимъ
воротамъ и перенести огонь на Кремль.

Членъ Военно-Революціоннаго Штаба

Секретарь

ных артиллеристов не так уж много было. Буржуазия и ее офицерско-юнкерские части, не надеясь уже на победу в Москве своими силами, всячески старались как можно дольше затянуть свое сопротивление, надеясь на присылку подкреплений с фронта.

Такие части двигались на Москву. Однажды например нами было задержано пять казаков, приехавших верхами от одной из застав. Оказалось, что это разведка казачьего полка, остановившегося под Москвой. Райкомом и ВРК решено было немедленно вступить в переговоры с полком. Взятые в плен казаки были освобождены и выехали в полк вместе с представителем Замоскворецкого ВРК т. В. Карповым [1].

Полк шел под командой офицеров. Присоединиться к нам он отказался, но и не рискнул, после нашей информации о положении вещей, пойти против нас. Полк отправился на Дон. Разоружить его мы были не в состоянии.

Применение артиллерии из 3-дюймовых орудий давало небольшой результат. И ВРК принимает решение пустить в дело более крупные орудия. Вот письмо, которое было послано пред-

[1] **В. Карпов** — студент-большевик. Позже учился в Военной академии, был убит басмачами в гражданской войне.

седателем Замоскворецкого ВРК т. Штернбергом Московскому военно-революционному комитету:

«Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий ВРК предлагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит ВРК высказать свое мнение по этому поводу.

Предварительно предлагает сдаться юнкерам. И в случае отказа с их стороны начинает свои действия с 10 час. утра».

Московский ВРК на это отвечает:

«Военно-революционный комитет совета рабочих и солдатских депутатов разделяет вашу мысль о необходимости быстрого решения вопроса. Поэтому мы еще вчера послали спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москва-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Каменного моста.

Если есть артиллерия и в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю, и сделать это надо не к 10 час., а гораздо раньше»[1].

Применение артиллерии, хотя и не причинившей большого урона юнкерам, но показавшей им достаточно убедительно серьезность наших намерений, и усиление наступления со стороны других районов помимо Замоскворечья вынудили юнкеров серьезно задуматься над своим положением.

К тому времени был закрыт юнкерам доступ к пороховым складам в Симонове, где хранились патроны. Само Симоново не было в состоянии оказать достаточного сопротивления юнкерам. Замоскворецкому ВРК пришлось послать для захвата этих погребов несколько автомобилей с солдатами 55-го полка и красногвардейцами. Погреба были взяты, отряд юнкеров, приехавший за патронами, был разбит.

Решительный перелом достигается 31 октября.

После перемирия, ясно показавшего последним из сомневавшихся, что единственным методом, обеспечивающим закрепление власти за советами, является полный разгром белогвардейских сил, московский центр и районы развивают наступление по всем линиям. Артиллерия ведет обстрел днем и ночью.

Все более и более смыкается кольцо вокруг юнкеров. 1 ноября наши отряды проникают в центр со стороны Устьинского и Москворецкого мостов.

Замоскворецкие отряды начинают встречаться с отрядами других районов.

---

[1] Цит. по сборнику «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», изд. «Московский рабочий», 1927 г.

Ю. Мышкин —
студент Коммерческого института в 1917 г. Один из основных агитаторов Замрайона и один из командиров отрядов на Остоженке. Член ВКП(б) с 1915 г. В настоящее время—слушатель Промакадемии.

2 ноября, после 7-дневных упорных боев юнкера сдались и был занят Кремль. К вечеру этого же дня нами был получен приказ о прекращении боевых действий на всех участках.

Последней операцией Замрайона было взятие штаба МВО. Ближайший отряд завода «Поставщик» под командой т. Ф. Смирнова выступил к штабу. Ф. Смирнов описывает это занятие штаба белых таким образом:

«Подойдя к окопу МВО, который был вырыт по пояс, где были наложены штабеля дров и лежали железные койки, окруженные колючей проволокой, мы увидели нескольких юнкеров, которые до нашего прихода еще не успели получить распоряжение от командира выйти из окопа. Около окопа у стены был сделан маленький проход, по которому мы прошли к воротам штаба Московского военного округа. У ворот стояло двое парных часовых. На предложение открыть ворота нам ответили: «Мы открывать ворота не можем, ибо нас разводящий не снял еще и не дал распоряжения о пропуске вас».

Тогда я с товарищами перелез через ворота и распорядился, чтобы никого не впускали и не выпускали из ворот. Из окна было видно, как в первом и втором этажах дома находившиеся там юнкера переодевались в солдатские шинели. У них можно было видеть много шоколада, какао, хлеба.

В этот момент подбегает солдат Маслаков, который был членом совета и которого юнкера арестовали и посадили в подвал, и заявляет, что здесь имеется касса с наличием 100 тыс. руб. денег. Я откомандировал Маслакова и еще одного товарища (фамилии не помню) и дал распоряжение никого к кассе не допускать и денег не выдавать без моего разрешения. В этот момент стали стаскивать пулеметы, которые были расположены на чердаках и в верхних этажах штаба в количестве 12 штук. Подбегает часовой и говорит, что пришел начальник нашего участ-

ка Петр Арутюнянц и с ним 30—40 красногвардейцев: впускать их или не впускать? Я распорядился впустить их. В этот же момент начальник команды юнкеров выстроил свою команду, и передо мной стал вопрос: куда девать их? Этот вопрос разрешил Арутюнянц, который приказал их отправить в Серпуховский арестный дом. Несмотря на то, что офицеры протестовали, показывая приказ о разрешении сохранения оружия, наши товарищи обезоружили их, забрав имеющиеся у них шашки и револьверы. Человек 6—7 моих ребят были отправлены для сопровождения прапорщиков 3-й школы. Я с остальными товарищами стал просить Арутюнянца, чтобы он сменил нас и принял штаб Московского военного округа. Я ему сдал 8 машин, 4 мотоцикла и все орудия, которые там находились. Мы захотели захватить с собой 2 пулемета и несколько винтовок, но Петр ругался, говоря: «Все это народное, все это наше и должно остаться здесь». Но мы ему ответили: «Покрепче будет, если они у нас на заводе будут», и, несмотря на его уговоры, взяли 2 пулемета, 20 лент патронов, по винтовке, несколько штук бомб и отправились назад. По дороге встретили ломового извозчика; на подводу положили всю «добычу» и отвезли к себе на завод «Поставщик» [1].

Взятые в плен нашим районом юнкера были сначала помещены в бывш. Александровские казармы под наблюдение солдат 55-го полка. На другой же день ВРК получил сообщение о предполагавшемся расстреле солдатами этих юнкеров. Но посланный представитель ВРК и рабочие завода Михельсона отговорили солдат. ВРК перевел юнкеров в арестный дом, а затем, по приказу нашего московского штаба, распустил их по «домам». Мы знаем, как отплатили белогвардейцы рабочим за это великодушие. Их «домом» оказался Дон, где бежавший от нас Каледин формировал белогвардейские банды.

Юнкера сдались. Но боевые операции еще не кончились. Поступило сообщение о движении генерала Иванова на Москву. Закипела работа по укреплению Москвы со стороны застав. Было решено дать отпор генералу не в самой Москве, а под Москвой. Особенное внимание было уделено позициям около деревни Котлы. Для организации обороны, рытья окопов был специально выделен член ВРК И. Коссиор и в помощь ему т. Пан (Кржеминский). Им с громадными трудностями, при поддержке отрядов с заводов Михельсона, «Поставщик» и др., удалось эти окопы вырыть и несколько подготовить местность к обороне. Генералу однако так и не пришлось побывать в Москве.

После сдачи юнкеров Красная гвардия сразу сократилась. Но основные ее отряды сохранились в целости. К 24 ноября например, судя по сохранившемуся документу, Красная гвардия включала в себя 2 тыс. бойцов.

О роли района в дни октябрьских боев и во время по-

[1] Сб. «Красное Замоскворечье», изд. 1927 г.

следующих выступлений Красной гвардии дает хорошее представление документ, сохранившийся в архиве Красной армии:

В нем говорится:

«В настоящее время в Москве имеются готовыми следующие отряды:

Царицынский	в 200 человек
Орехово-зуевский	» 250 »
Городского района	» 150 »

Отряд при 55-м полку с командой пулеметной, артиллерией, броневой и кавалерией — в 500 человек.

Подготовляются в Замоскворецком районе три отряда в 200, 400 и 2 тыс. человек. В Лефортовском и Сокольническом районах — на 200—300 человек. Через неделю будет готов батальон Красной тяжелой артиллерии. Идет подготовка отрядов в 200—300 человек и в других районах Москвы...»

Замоскворецкая Красная гвардия как наиболее серьезная сила и наиболее дисциплинированная естественно была использована в первую очередь.

Замоскворецкой Красной гвардии пришлось участвовать в захвате банков, в охранении ценностей, помещавшихся в них, в борьбе с поднявшим было голову бандитизмом, с грабежами. Внутри Замоскворечья бандитизму был быстро положен предел. Достигнуто это было путем установленной системы дежурств патрулей и быстрого выезда по вызову населения. Красной гвардии пришлось участвовать в ликвидации выступления анархистов, мятежа эсеров.

Окончательно распустили участковую милицию, заменив милиционеров рабочими.

Пришлось бросать отряды и вне Москвы. Выезжали отряды в Коломну, Гжатск, Данков.

Отряды охраняли заводы от бандитов и от попыток хищения, организуемых владельцами, а затем и от вредительских попыток со стороны тех же владельцев.

Борьба таким образом не закончилась сдачей юнкеров. Фронт углубился, распался на целый ряд новых участков. И всюду на страже революции стояли красногвардейцы.

В дальнейшем красногвардейцы вошли в специальные формирования, выступавшие из Москвы на Украину, против наступавших немцев, вошли и бойцами в Красную армию.

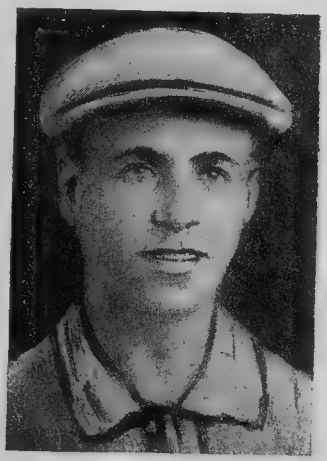
И. Цивцивадзе

Боевые дни

Тревога

О перевороте в Петрограде мы узнали 26-го утром. После получения телефонограммы из центра мы немедленно созвали райком и в присутствии членов бюро МК тт. Землячки и Пятницкого наметили состав Замоскворецкого ВРК, куда вошли: Коссиор (Иосиф), Шиллерт, Ротшильд, Файдыш и Витковский.

Тем временем в районе становилось все тревожнее. Мы начали мобилизовать свои силы. Но не дремали и наши противники. В школах прапорщиков в Александровских казармах шла усиленная подготовка; студенты Коммерческого института держали себя вызывающе и частенько устраивали скандалы на наших рабочих собраниях.



Брун М. И. — член штаба Красной гвардии, командир отряда. Член ВКП(б) с 1920 г. В настоящее время студент Московского исследовательского химического института.

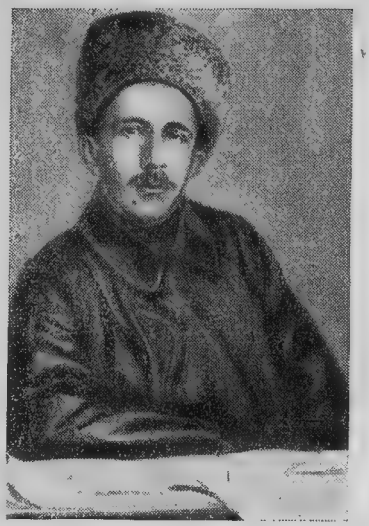
Л. Люсинова —
студентка Коммерческого института, пропагандистка, в октябрьские дни— один из секретарей ВРК. Убита в остоженском окопе.

Мы получили определенные сведения, что белые вооружаются и готовят нападение на райком партии. Поэтому т. Сычев энергично принялся за организацию обороны райкома: выставил пулемет, организовал бомбометчиков и т. п.

К вечеру 26-го к райкому стройными рядами подошло около полуроты невооруженных двинцев, которые оказались в нашем районе, и предложили нам свои услуги. Мы немедленно вооружили их михельсоновскими ружьями и поставили охранять райком. Члены райкома установили постоянное дежурство. Секретарь райкома т. Борисов счел более благоразумным собрать все документы и отдать их на хранение в частную квартиру.

Райком представлял собой военный лагерь. Все комнаты были переполнены толпившимися рабочими: многие из них были посланы заводами узнать о положении дела. Одна часть спешно обучалась обращению с винтовкой, другая распределяла патроны и приводила в порядок свои револьверы. По нескольку раз в день в райкоме приходилось устраивать широкие собрания с докладами о положении дел, чтобы удовлетворить собравшихся рабочих. Все были в недоумении, все возмущались медлительностью московских руководящих органов восстания.

26-го вечером, когда на одном из таких собраний я сделал информационный доклад о решении МК держаться выжидательной позиции, т. Козычев, рабочий завода Бромлей, выступил с резкой критикой такого решения. Он указал, что в городе уже



Н. В. Стрелков — рабочий завода Михельсона. Член ВКП(б) с 1907 г., член Замрайкома большевиков в 1917 г. и комиссар 55-го полка в октябрьские дни. Умер в 1933 г.

пахнет порохом, что во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию; он сам видел, что юнкеров ротами отправляют в центр, а студенты получают от думы винтовки. Разве можно допустить, чтобы в такой момент руководящие органы не находили ничего лучшего, как держаться выжидательного положения? Тов. Козычева поддержали тт. Пан, Сычев, Озеров (с трамвайной станции) и др. Собрание вполне сочувственно отнеслось к протесту и постановило послать тт. Пана и Сычева в центральный ВРК, чтобы настаивать на более решительных действиях. Одновременно было решено отправить делегацию в воинские части, расположенные в районе, чтобы узнать настроение солдатских масс и привлечь и их на свою сторону. Помню, одна делегация во главе с т. Борисовым была направлена в 55-й полк, вторая — во главе с т. Мышкиным — в 196-ю запасную дружину.

Через некоторое время мы получили несколько тревожную телефонограмму о необходимости послать рабочих для охраны Московского совета и ВРК. Охотников оказалось много, но мы направили только человек 25—30, так как больше не требовали. Вслед за этим я получил телефонограмму из МК: немедленно прибыть на заседание. Я поехал в трамвае. Проезжая мимо Кремля, я увидел, что Кремль уже окружается юнкерами, около манежа стоят генералы и дают указания отправляемым дозорам. Через Иверские ворота пронеслись казаки. Публика в трамвае проявляла явную тревогу.

Иду в ВРК. В верхнем этаже бывшего генерал-губернаторского дома, где разместился ВРК, довольно много народа. У всех

Н. Сычев —
рабочий, начальник разведки Замрайона в октябрьские дни. Начальник Красной гвардии Замрайона в 1918 г.

взволнованный вид, все бегают, суетятся, шепчутся по углам, где-то собираются не то меньшевики, не то объединенцы и настойчиво приглашают наших представителей. В комнате заседания ВРК я застал тт. Ногина и Ломова, которые вели оживленный спор. Тов. Ногин доказывал необходимость и возможность переговоров, с чем видимо решительно не соглашался т. Ломов. Я сообщил им о происходящем вокруг Кремля и сам поспешил в район, чтобы не быть отрезанным.

В районе я застал радостное, боевое настроение. Оказывается, наши делегации вернулись и рассказывали о своих успехах. Тов. Борисова в 55-м полку встретили восторженно, подняли на руки и носили по ротам. Все роты одобрили позицию ВРК и обещали ему полную поддержку. То же самое сообщил и т. Мышкин о 196-й дружине.

ВРК Замоскворецкого района находился в здании совета (бывший ресторан на Калужской площади), так как помещение райкома было признано стратегически неудобным для военно-революционного комитета.

Тщательно осмотрев райком и собрав все документы, я, т. Борисов и некоторые другие товарищи направились в штаб через Малую Серпуховку. Не доходя до Серпуховской площади, нас встретил рабочий (фамилии не помню) и сообщил, что у часовни стоит белогвардейский отряд и обыскивает всех проходящих. Действительно, не успели мы сделать и двух шагов, как нас окружают вооруженные винтовками студенты Коммерческого института во главе с офицером и требуют: «Руки вверх!» Однако они действовали настолько неорганизованно, что нам по-

чти всем удалось ускользнуть от них, не подвергшись обыску. Это была первая встреча с белогвардейским отрядом.

Не успели мы добежать до штаба и рассказать о случившемся, как раздались выстрелы. Оказалось, что все тот же белогвардейский отряд наткнулся на нашу вооруженную группу во главе с т. Макс (убит затем у Брянска при наступлении немцев на Украину, после заключения Брестского договора), направлявшуюся из райкома в штаб. Произошла стычка: белогвардейцы потеряли несколько человек убитыми, ранеными и пленными. Раненых и пленных скоро привели в штаб, где сейчас же оказали им медицинскую помощь и оставили в одной из комнат, приставив караул.

Все указывало на серьезную боевую обстановку: были убитые, раненые, пленные, отряд санитаров, штаб. Нехватало у нас только одного: уменья руководить боевой работой в штабе. Все члены штаба оказались глубоко штатскими людьми. Был один, и то случайно оказавшийся тут, т. Будзинский, который обладал некоторыми военными познаниями и лучше всех ориентировался в положении. Он предложил штабу наметить боевую линию, немедленно наладить связь, разведку, транспорт, административную часть и т. п. Для установления прочной связи с центром и получения указаний и инструкций он предложил отправить его самого.

Было решено, что т. Будзинский отправится без оружия, один, а за ним на расстоянии пойдут поодиночке тт. Люсинова, Шура Алексеева и Катя Карманова, которые должны были известить нас о благополучном его прибытии в центр. Он действительно дошел благополучно, но, к сожалению, обратно почему-то к нам не вернулся.

Замоскворецкий район, оставшись в неведении о действиях центра и без его руководства, очутился в трудных условиях. Заседание штаба в присутствии т. Будзинского было первым и, кажется, последним. Все члены его, за исключением т. Витковского, куда-то разбрелись.

Штаб

ВРК распался в первую же ночь. На другое утро официально заявил об уходе единственный представитель партии меньшевиков. В помещении штаба остались: я, Файдыш, Ротшильд и Витковский. Само собой разумеется, что штаба в подлинном смысле этого слова мы организовать не могли по той простой причине, что ни у кого из нас не было никаких военных навыков и познаний. Кроме того не было ни налаженной связи с «фронтом», ни правильной систематической разведки. Однако кое-что мы все же сумели организовать.

Установление порядка в здании и охрана его, порядок приема донесений, прием и охрана арестованных, прием,

Тов. Апаков —
вожатый Замоскворецкого трампарка, командир отряда Красной гвардии. Убит в гражданской войне. Член ВКП(б) с 1917 г.

хранение и выдача оружия, — все это было поставлено сравнительно хорошо. Из-за большого количества арестованных, как политических (пленные шпионы), так и уголовных (бандиты, мародеры), почти с самого начала оказалось необходимым организовать административно-следственную часть, во главе которой вначале весьма успешно работал т. Арутюнянц. Но после того как т. Дьяконов, юрист по образованию, перешел к нам из лагеря меньшевиков с предложением своих услуг, заведывание этим отделом мы поручили ему. Арестованные содержались сначала в одной из комнат штаба, а потом, по мере их накопления, — в милицейском арестном доме. Надзор за ними конечно был очень слабый, и они часто убегали. А ведь в наши руки попадались довольно видные белогвардейские тузы, рудневские разведчики, переодетые офицеры, полковники и т. п. Как известно, к нам же попал и раненый генерал Брусилов.

Весьма трудной и сложной задачей для ВРК была организация продовольственного дела. Этим вначале руководили тт. Лобанов, Семенов и Прокопенко. Затем это дело, кажется, было поручено т. Шиллерту.

Р. А. Сковно — работница завода «Поставщик». Член ВКП(б) с 1905 г., организатор санотряда «Поставщика». В настоящее время директор фабрики.

Очень скоро у нас накопилось некоторое количество грузовых и легковых машин и мотоциклеток. Машины эти конфисковались у местной буржуазии. Нам сразу стало ясно, что в этом деле могли быть крупные злоупотребления. Поэтому мы организовали отдел транспорта, во главе которого поставили одного из видных рабочих, члена райкома т. Эйнштейна.

Я уже говорил, что у нас не было ни начальника разведки, ни правильно налаженной организации ее, но у нас было несколько добровольных конных разведчиков и несколько мотоциклистов, которые взялись обслуживать нас и преданно работали до конца боевых действий.

Фамилий этих героев я не помню. Знаю только, что мотоциклисты были из мотоциклетной роты, которая целиком отдала себя в распоряжение штаба. Таким образом у нас имелись следующие отделы: административный, следственный, продовольственный, транспортный и связь. Вот каким аппаратом обладал Замоскворецкий ВРК.

Первые дни

Положение Замоскворецкого района в стратегическом отношении было чрезвычайно сложным и трудным: с самого начала военных действий мы оказались совершенно отрезанными от центра. Замоскворечье отделено от центра Москва-рекой и имеет связь исключительно через мосты. А мосты сразу же оказались

П. Г. Замогильная — работница, участвовала в санотряде и разведке. Член ВКП(б) с 1917 г. В настоящее время инженер-экономист.

или занятыми или запертыми белогвардейцами. Необходимо было завладеть ими и организовать их оборону.

Кроме того у нас был совершенно открытым тыл, откуда нам грозила не меньшая опасность. Мы имели сведения, что со стороны Павелецкого вокзала в любой момент можно было ожидать появления контрреволюционных сил. С другой стороны, на окраине Замоскворечья, в Котлах, стояла часть, правда, небольшая, 7-го Сибирского казачьего кавалерийского полка (одна-две сотни которого дрались против нас в центре, а остальные сотни полка при легкой батарее были в г. Кашире), и возможность выступления ее все время нервировала район. Но что важнее всего — это то, что оставшиеся в Александровских казармах непереправленными в центр несколько рот из школ прапорщиков постоянно угрожали нашему тылу. Защита такого громадного района с большим количеством боевых участков требовала соответствующих сил и средств. У нас же было только недостаточное количество плохо вооруженных красногвардейцев и около 50 вооруженных двинцев. С этой силой едва ли можно было рассчитывать на оборону хотя бы одного только моста. Но обещание славного 55-го полка не осталось пустым звуком: полк выступил на защиту рабочих. Беда была только в том, что в полку осталось очень мало бойцов, так как командный состав, чувствуя приближение событий и учитывая все возрастающую революционность солдат, давал им массовые отпуска. Тем не менее нашей важнейшей опорой был 55-й полк. Нам необходимо было теснейшим образом связаться с ним.

А. Калинин — рабочий обозных мастерских. Организатор санотрядов в октябрьские дни. Член ВКП(б) с 1915 г. В настоящее время управляющий строительством Зеленого города.

В первый вечер представителем этого полка в штабе был т. Будзинский, впоследствии оставленный в центре. По записке, переданной мне от т. Владимирского, я должен был ожидать некоего Дебюсси для связи с 55-м полком и для военного руководства. Тов. Владимирский предложил мне встретиться с Дебюсси где-то около Сухаревки. Однако 27-го он сам явился ко мне, стал бывать на заседаниях штаба и устанавливать связь с 55-м полком.

После занятия имевшимися у нас силами всех боевых участков осталось незначительное количество резерва, да и то в 55-м полку. Между тем одновременно с занятием основной боевой линии вдоль Москва-реки необходимо было во что бы то ни стало ликвидировать гнойник, существовавший внутри района.

Я говорю о белостуденческой группе, засевшей в Коммерческом институте и имевшей столкновение с нами. В первый же вечер эту задачу взял на себя 55-й полк, кажется, во главе с Дебюсси, и выполнил ее очень быстро и энергично.

Скоро вместо Дебюсси прислали к нам т. Алексеева, молодого, очень энергичного, смышленого и, по всем видимостям, вполне преданного революции.

Ночь на 27-е прошла благополучно: все было на месте, а противник получил решительный отпор. Но к утру утомленные солдаты потребовали смены, а смены мы им дать не могли. Между тем требования смены и пополнения поступали из всех участков. Некоторые неустойчивые стали самовольно покидать посты. Положение стало серьезным.

Е. Карманова —
студентка Коммерческого института. В октябрьские дни — разведчица. В настоящее время зав. отделением материнства и младенчества Мосздравотдела. Член ВКП(б) с 1916 г.

Хотя здание штаба было переполнено сотнями людей, требующих оружия и отправки на фронт, но далеко не всем можно было верить. Среди этой массы людей несомненно были и шпионы противника. Кроме того у нас было очень мало оружия. Только благодаря энергичным мерам, принятым некоторыми товарищами, особенно тт. Арутюнянцем и Сычевым, путем обысков и облав было добыто некоторое количество оружия, при выдаче которого необходима была величайшая осторожность: надо было стараться выбирать верных людей, чтобы оружие не попало врагам. Кроме того нельзя было посылать людей неорганизованных. Необходимо было сколачивать их в какие-нибудь части, отделения, роты, назначать старших и т. п. К сожалению, у нас это дело не было как следует организовано. В штабе не было ни одного знающего человека, который занимался бы этим. По мере возможности этим делом пришлось заняться мне. И 28-го вечером я приступил к набору «запасных частей» на Калужской площади.

Вдруг во время моей неумелой команды к нам быстрым шагом подошла почти вплотную какая-то воинская часть, вооруженная винтовками, с двумя офицерами во главе. Признаться, я был ошеломлен. Мы были уверены, что нас окружили белогвардейцы. Остановившись и скомандовав «к ноге!», один из офицеров подошел ко мне и, взяв под козырек, спросил:

— Кто будет здесь начальником штаба?

— Я за начальника штаба, — ответил я.

— Мы из 196-й запасной дружины. Пришли в ваше распоряжение.

Я был приятно поражен и просил часть сил отправить на участки, а остальных оставить для караула. Это было сделано.

Офицеры, оказавшиеся штабс-капитаном Ушатским и поручиком (или подпоручиком) Богословским, пошли со мною в штаб и остались там работать почти до самых последних дней боев.

Факт этот весьма знаменателен в истории наших октябрьских битв. В тот момент приход к нам этой дружины без сомнения вывел нас из весьма критического положения и, что самое главное, ободрил нас. Впоследствии эта часть — от усталости или по какой-либо другой причине — разложилась. Но в тот момент она свою роль сыграла. Что касается офицеров, то я могу констатировать, что они продолжали работать с нами. Я не имею подробных сведений о дальнейшей судьбе этих людей, ставших на сторону рабочих в самую критическую минуту. Знаю только, что вначале Богословский работал при Рогове в административном отделе, а Ушацкий был назначен, кажется, народным судьей.

Завкомы

Как известно, во время Октябрьской революции фабрики и заводы бастовали. Предприятия, в которых были сосредоточены колоссальные богатства, вполне естественно подвергались во время гражданской войны опасности быть разгромленными темными элементами, любителями легкой наживы. Охрану пришлось взять на себя рабочим и их органам. Почти во всех предприятиях завкомы совместно с нашими партийными ячейками организовали охрану, вооружились чем только могли, а где не были в состоянии это сделать — просили помощи у нас. Эти самостоятельно возникшие вооруженные ячейки, разбросанные по всем углам района, сослужили нам великую службу — они были нашими очами и ушами: от них получали мы ценнейшие сведения о малейшей попытке контрреволюционного населения организоваться и оказать помощь белогвардейцам, о стрельбе из домов, о подозрительных людях, о воровстве, погромах и т. п.

Были у нас и такие фабрики и заводы, которые представляли серьезную военную силу и которые сыграли в этом отношении крупную роль. Например группа рабочих телефонного завода и электрической станции 1886 г. занимала целый участок у Чугунного моста и яростно оборонялась от нападения юнкеров. Говоря об этом, нельзя не упомянуть об инженере Карле Адольфовиче Бренере, служившем на электрической станции 1886 г. С первой же минуты столкновения с белогвардейцами этот человек решительно стал на сторону рабочих. Он каждый день бывал у нас в штабе, оказывал те или иные услуги, давал нужные технические советы, беспрерывно поддерживал работу станции и оказывал нам большую помощь. По нашим указаниям он регулировал освещение города и, насколько это было возможно, выключал свет в местах расположения белогвардейцев, поддерживая его в наших районах.

Группа трамвайной электрической станции охраняла центральный, самый сильный и опасный фронт. Со стороны храма

О. С. Кравчук — санотряд остоженских позиций. Разведка. После Октября — начальник отряда Красной гвардии Рязано-уральской железной дороги. В настоящее время директор группы касс. планов Госбанка. Член ВКП(б).

Христа спасителя белогвардейцы сосредоточили большие силы и, имея несколько пулеметов, держали наших под постоянным обстрелом.

Крупнейшую роль сыграли рабочие Бутиковских мастерских. Эти преданные и самоотверженные люди действовали в контакте со специальной нашей группой во главе с т. Бруном и удерживали со стороны Остоженки и Крымского моста неприятельскую группу, неоднократно переходившую в наступление. Следует отметить, что т. Брун проявил здесь чудеса храбрости. Были моменты, когда он чуть ли не один отстреливался от неприятеля.

Рабочие завода Михельсона были сравнительно хорошо вооружены. Они играли роль крепкого кулака, которым мы били юнкеров в решающих пунктах. Они проявляли неистощимую находчивость и инициативу. Они завязали тесную связь с 55-м полком, имели там специального комиссара т. Стрелкова и исполняли множество особых поручений.

Весьма энергичную и активную роль играли рабочие Замоскворецкого трамвайного парка. Они предоставляли в наше распоряжение трамвайные вагоны и имели прекрасно вооруженную и дисциплинированную группу передовых товарищей, выступавшую по первому нашему требованию. Они ездили то на разведку, то для перевозки оружия. Они же отпускали нам необходимые инструменты для рытья окопов. Характерно, что они давали все инструменты по счету и требовали их возвращения.

Когда однажды по Полянке белые прорвались на грузовике, желая произвести панику в нашем тылу, трамвайцы соорудили

М. Шилова — работница санотряда. Разведчица. Член ВКП(б) с 1917 г. В настоящее время на ответственной партийной работе.

несколько «бронированных» трамвайных вагонов, нагруженных песком и защищенных железными листами, и неоднократно производили контратаки. Словом, трамвайцы оказались в эти дни на высоте сознания пролетарского долга. Они действовали по-революционному, кровно заинтересованные в исходе борьбы. Насколько мне помнится, из трамвайцев наиболее выделялись своей сознательностью и активностью тт. Апаков, Мохов и др.

Довольно солидная группа, около 50 человек, была у завода «Поставщик».

Наконец Даниловская мануфактура почти самостоятельно обороняла всю западную часть Замоскворечья, откуда грозила нам опасность со стороны казаков.

Все эти разбросанные ячейки, из которых каждая в отдельности не представляла собой большой боевой силы, ибо была слабо вооружена, не обучена и мало дисциплинирована, оказались именно той силой, на которую мы могли опереться и которая нам дала победу. Иначе нельзя конечно объяснить того, что мы в конце концов победили. Ведь против нас была настоящая, вымуштрованная, дисциплинированная, снабженная боеприпасами, военной техникой и руководимая военными специалистами воинская сила, тогда как у нас не было и не могло быть ни соответствующей боевой силы, ни выработанного боевого плана.

Мы хотя и назывались штабом, но почти никакого руководства боями на участках вести не могли и не умели. Мы действовали от случая к случаю. Только участие рабочих ячеек и всей

В. С. Кравчук —
зам. нач. штаба остоженских отрядов Красной гвардии, разведчица. Член ВКП(б). Работает в Наркомате легкой промышленности.

массы рабочих Замоскворецкого района, кровно заинтересованных в исходе борьбы, действовавших не столько по указанию, сколько по своему классовому чутью, боровшихся твердо, решительно, самоотверженно и вполне сознательно, и привело нас к победе.

Мортиры

С самого начала военных действий все улицы района абсолютно опустели. Злобствующая и брюзжащая против нас мещанская публика в первые же дни проявила максимум трусости и спряталась куда могла. Однако, едва выяснилась трудность нашего положения, едва в район проникли белогвардейские шпионы и провокаторы, как обыватели приободрились и со злобным змеиным шипением постепенно заполнили улицы и площади, особенно Калужскую. Чем дальше, тем они больше наглели и держали себя все более вызывающе, распространяя клеветнические и панические слухи.

Тем временем положение резко изменилось. Бутиковские ребята давно приставали к нам с требованием пустить в ход против белогвардейцев артиллерию. С подобным же советом приходил к нам инженер-анархист Гоппиус; он советовал обратить внимание на химический завод в Хамовниках, где готовились взрывчатые вещества. Он просил поручить ему организацию производства бомб и наладить стрельбу из бутиковской артиллерии.

И вот из Бутиковских же казарм прислали нам на Калужскую

площадь две французских мортиры. Мы к ним приставили охрану. Правда, для мортир у нас не было ни обслуживающего персонала, ни снарядов, но на трусливую мещанскую публику они производили потрясающее впечатление; Калужская площадь вновь очистилась от любопытствующих.

Провокационные слухи

Из-за недостаточной организованности нашего штаба, отсутствия правильной организованной разведки и нашей неопытности мы довольно часто верили всяким слухам. Правда, кое-какие из этих слухов имели основание, но, как теперь с уверенностью можно сказать, большинство из них шло от контрразведки противника.

В двери штаба то и дело стучались с «важными донесениями».

— Что такое, в чем дело?

— На Павелецкий вокзал только что прибыл казачий полк и выставил пулеметы...

Моментально посылаем наших разведчиков, все оказывается ложью.

Вдруг опять:

— Важное донесение.

— Что такое?

— Сейчас в конце Калужской появился казачий разъезд и двигается по направлению к Калужской площади.

Опять бросаем туда разведчиков, а сами мобилизуем все силы. Помню, вышли на улицу вооруженными все работники штаба.

Откуда ни возьмись, со стороны Серпуховской площади идет к нам т. Антонов с ротой солдат 55-го полка. Вздох облегчения! Команда «в цепь!», и мы все вместе направляемся навстречу казакам. Но натыкаемся на нашего мотоциклиста-разведчика, сообщающего нам, что «никаких казаков не обнаружено»...

Подобные слухи упорно вились вокруг нас в течение всего хода событий. Жаль, что мы не догадались тогда арестовать этих добровольных «важных доносчиков»; нет сомнения, что 90% их оказались бы белогвардейскими шпионами. Нужно впрочем сказать, что часто мы оказывались жертвами и своего собственного воображения. Я помню такой случай. Однажды в штабе находились я, тт. Файдыш, Витковский и, кажется, Ротшильд. В отдельной комнате для коменданта сидели и беседовали Паталовский, Фельдман, кажется, Герцовская и некоторые другие. В зале много людей. Здесь организуется отряд для посылки на смену, там располагаются только что прибывшие для отдыха, иные спят, иные пьют чай и ведут оживленный спор. Вдруг крик: «Казаки!» Происходит нечто невообразимое, — именно то, что всегда происходит с неорганизованной массой. Все бросаются куда попало. Женщины разбивают стекла, выбрасываются из окон, некоторые беспорядочно стреляют. Помню, т. Файдыш

А. А. Алексеева —
студентка Коммерческого института, член ВКП(б) с 1916 г. В настоящее время в Свердловском университете.

первый бросается к толпе с криком: «Тише, без паники!» Мне кажется, он перекричал этот адский шум. Я схватываю карабин и бросаюсь вслед за ним. Выглядываю через окно и вижу, что и наш караул раскинулся цепью и стреляет. Действительно со стороны Крымской улицы видно было несколько лошадей, но казаков как будто нет. Оказалось, что ребятишки вели лошадей с водопоя и какому-то мнительному человеку почудились казаки.

Все улеглось. Мы даем некоторые указания, чтобы вновь не повторялось подобное. Вдруг появляется т. Ангарский. Отзывает меня в сторону и на ухо говорит: «Дело плохо: казаки только что окружили Хамовнической ревком...»

Я немедленно отправляю мотоциклиста, который выясняет, что никакие казаки Хамовнического ревкома не окружали. Тов. Ангарский просто был введен в заблуждение...

Казаки

Слухи о появлении казаков не оправдались ни разу, но что они имели под собой почву, в этом нет сомнения. Во-первых, как уже было сказано, в Котлах казаки существовали «реально». Правда, их было немного, они не проявляли себя агрессивно, но, находясь у нас в тылу, постоянно нас нервировали. К счастью, ликвидация их произошла совершенно безболезненно, путем переговоров с ними. Инициативу переговоров взяли на себя рабочие Даниловской мануфактуры, если не ошибаюсь, при участии михельсоновцев. К большому нашему удивлению, казаки согласились не только оставаться нейтральными, но и выдать имеющееся у них оружие.

Как теперь точно известно, другие части казаков действи-

тельно двигались против нас. Если им все же не удалось войти в Замоскворечье и перетянуть чашу весов на сторону юнкеров, то это произошло по многим причинам, особенно же потому, что о наших боевых силах они были весьма преувеличенного представления и не решались вступать с нами в бой.

Вероятно для рекогносцировки в наш район проникли только три члена комитета 1-го Сибирского казачьего полка. Мы их обнаружили, если не ошибаюсь, в тот самый день, когда у нас в штабе произошла паника, т. е. 29 октября, почти у самого штаба, где их арестовал рабочий телефонного завода т. Томашевский.

Арестованные казаки, видя, что к ним относятся довольно мягко, первые заговорили с нами о необходимости вступить в переговоры о соглашении с их полком. Сначала мы не решались. Но когда получили достоверные сведения, что на нас, кажется, из Балашова, двигаются казаки (очень возможно, что они двигались на выручку своего арестованного полкового комитета), мы попытались начать эти переговоры. К этому моменту подвернулся т. Карпов, как оказалось, тоже казак, который предложил свои услуги в качестве посредника между казаками и нами. Мы его снабдили мандатами и отправили навстречу казакам.

Миссия т. Карпова увенчалась полным успехом. 31 октября ему удалось заключить с казаками вполне удовлетворивший нас договор. В заключении этого договора принимал участие и т. Штернберг.

Перемирие

Перемирие, объявленное ревкомом 29-го вечером, застало нас в момент, когда договор т. Карпова с казаками еще не был заключен, а только намечался.

Ни казаки в Котлах, ни юнкера, оставшиеся в Александровских казармах, не проявили никакой агрессивности, тем более, что за ними зорко следили 55-й полк и михельсоновские рабочие. 29-го положение нельзя было считать особенно блестящим, но для особых тревог также не было оснований. Бутиковские ребята вместе с инженером Гоппиусом уже работали над артиллерией. К этому дню Крымский мост был захвачен т. Бруном. Самый больной вопрос — недостаток оружия — счастливо разрешился известием о взятии Симоновских пороховых складов и нескольких вагонов винтовок. Для доставки этого оружия немедленно бросились товарищи трамвайцы, руководимые т. Сычевым. Несколько ящиков с винтовками, кажется, уже притащили в штаб.

Тем временем, по распоряжению центра, к нам прибыла с Ходынки во главе с т. Блохиным батарея артиллерийского дивизиона с двумя офицерами. Это нас очень обрадовало. Мы расположили прибывших в здании райкома. Солдат накормили в студенческой столовой, расположенной там же, и дали им отдохнуть. Офицеров я отправил к себе на квартиру, где они всю

А. М. Мокин —
комсомолец. Убит на фронте в гражданскую войну.

ночь разбирались в картах и составляли таблицы. Пушки оказались французской системы, и они очень боялись, что не в состоянии будут в них разобраться.

Батарея была отправлена на Воробьевы горы. Если не ошибаюсь, именно эта батарея первой открыла стрельбу по Кремлю.

Это создало в районе более твердое настроение. Поэтому объявление перемирия было встречено довольно несочувственно. В штаб то и дело поступали протесты против объявления перемирия и жалобы, что юнкера нарушают условия этого перемирия и стреляют в нас. 30-го, по настойчивому требованию тт. Сычева, Пана и др., я должен был заявить протест центру по поводу объявления перемирия. Но телефонная связь, которая до сих пор в штабе работала исправно, в этот день прервалась. Мне пришлось итти звонить из трамвайной станции на Калужской площади, где почему-то связь еще была. Выйдя из штаба, я без всякой с моей стороны просьбы оказался окруженным двумятремя красногвардейцами, которые видимо полагали, что начальника штаба без охраны отправлять нельзя. Дорогой я встретил т. Пятницкого, от которого узнал, что в Замоскворечье перебралась часть партийного центра — тт. Пятницкий, Яковлева, Кизельштейн и некоторые товарищи из редакции «Социал-демократа»—Бухарин, Скворцов и др.

Наконец я соединился с ВРК. К аппарату подошел т. Стуков, которому я заявил свой протест. Тов. Стуков ответил, что он сам не менее нас возмущен этим перемирием, и дал директиву:

если условия со стороны противника будут нарушены, то чтобы и мы немедленно ответили тем же. Мы фактически так и делали. По истечении же срока перемирия бой возобновился еще с большей энергией и ожесточением.

Новые члены штаба

Очень жаль, что я никак не могу восстановить в памяти дату такого чрезвычайно знаменательного для нашего района факта, как прибытие в район т. Штернберга на постоянную работу в штаб. Мне кажется, он к нам пришел не раньше 30 октября. С т. Штернбергом я находился в самых близких товарищеских отношениях еще до Октября. С его приходом в штаб я почувствовал себя гораздо крепче. Вместе с величайшей мягкостью и благородством он обладал большим спокойствием и уравновешенностью. Он был тверд в работе, решителен и непоколебим, как истый революционер. Этими качествами он заражал всех работников штаба. Штернберг был против переговоров с белогвардейцами и стоял за более решительные действия. В частности по вопросу о бомбардировке Кремля он настоятельно требовал от революционного комитета разрешения этого вопроса без всякой затяжки. Вслед за т. Штернбергом (не то в тот же день, не то на следующий) прибыл к нам и т. Волин (Фрадкин). Таким образом наш штаб пополнился двумя крупными работниками. Оба они конечно приняли живейшее участие в работе. Руководителем штаба был т. Штернберг. Заходили к нам и другие товарищи: Скворцов-Степанов, Ольминский, Яковлева. Но активного участия в работе штаба они не принимали.

Штаб наш приобрел к этому времени более оформленный характер, и работа значительно расширилась. Формирование резервов для пополнения частей и их смены приняло более систематический характер. Вместе с тем необходимо было правильно наладить и продовольственный вопрос. Расширились также и другие отделы. Так для хранения и распределения оружия и обмундирования пришлось занять здание кинотеатра «Великан».

После перемирия борьба на фронтах приняла ожесточенный характер. Подробнее о состоянии фронтов известно тт. Файдышу, Арутюнянцу, Пану, Мышкину и другим товарищам. Я ограничусь несколькими словами.

У всех мостов белогвардейцы имели крупные силы. У них было много пулеметов и бомбометов, из которых они, почти не переставая, обстреливали нашу сторону. Часто они делали попытки наступления для овладения мостами. Однажды несколько белогвардейцев проскочили на автомобиле через Москворецкий и Чугунный мосты и пустились, стреляя залпами, вдоль Пятницкой улицы, желая видимо произвести панику и в суматохе захватить мост. Но мы не растерялись, заставили их повернуть обратно, бросив автомобиль.

Неоднократные попытки наступления были и у Каменного мо-

ста, где геройски отбивались группы рабочих Центральной трамвайной электростанции.

Но особенно серьезные и ожесточенные бои происходили в направлении Остоженки. Здесь наши части с мужеством и самоотверженностью бросились в атаку, заняли Крымский мост и распространились вдоль берега, двигаясь по Остоженке к штабу белогвардейцев.

Тут началась настоящая позиционная война. Белогвардейцы, которым грозила серьезная опасность захвата их штаба, сосредоточили лучшие юнкерские части, вырыли траншеи по всем направлениям и поставили много пулеметов и бомбометов. Наши же засели шагах в тридцати или сорока, тоже в траншеях. Завязалась ожесточенная перестрелка.

Кроме Бруна здесь бились тт. Мышкин, Николай Сычев, Добрынин и др. Особенную энергию, находчивость и инициативу (насколько нам в штабе было известно) проявили тт. Мышкин и Добрынин. С такой же самоотверженностью действовал санитарный отряд, среди которого выделялась сестра милосердия, курсистка Коммерческого института, т. Люсинова, активная работница нашего района еще до февральской революции.

1 ноября не стало тт. Добрынина и Люсиновой. Я помню, как т. Добрынин еще накануне своей гибели, раскрасневшийся, со своей львиной гривой и сверкающими веселыми глазами, прибежал ко мне в штаб и сказал:

— Тов. Илья, у нас на фронте все хорошо, мы белогвардейцев сюда не пустим, а может быть скоро возьмем их штаб. Скажите, что еще нужно сделать?

Я ему предложил начать рытье окопов, привлекая к этому возможно больше рабочих, и устроить для этой цели на заводах, фабриках и площадях митинги. Тов. Добрынин немедленно помчался. Эта задача была блестяще выполнена Добрыниным и Паном при участии Мышкина, Борисова и других агитаторов.

Победа

Как бы крепко ни держался Замоскворецкий или какой-либо другой район, какие бы победы он ни одерживал, окончательный исход битв все же зависел от центра. А из центра мы получали тревожные вести: то будто бы революционный комитет не выдержал натиска белых, оставил здание совета и перебирается в район (действительно, в Замоскворецкий район перебрались некоторые товарищи, но, как известно, не из ревкома, а из партийного центра), то броневик белых будто напал на совет и занял его, то еще что-нибудь в этом роде.

2 ноября мы получаем радостную весть, что **мы победили.** С Остоженки наши товарищи получили уже печатное извещение об этом, изданное Рябцевым. Трудно описать наше состояние в этот момент. Наши сердца были переполнены невыразимой радостью. Ведь мы одержали великую победу. Вот она, та победа, к которой мы по книгам готовились лесятки лет, которой

добивались тяжелыми жертвами. Та победа, о которой мечтали и которую сотни лет до нас предчувствовали и ожидали.

Правда, победа эта не принесла нам «успокоения»; перед нами встала грандиозная задача: удержать завоеванное, использовать результаты победы. Партия, наша героическая партия, во главе с великим вождем т. **Лениным,** организовала и дала нам эту победу. Она же, при беззаветной поддержке рабочего класса, поведет нас к новым победам по пути социализма.

Хочется как-либо ознаменовать этот великий час победы. Но я ничего в первый миг придумать не мог.

Растерянно оглядываюсь кругом. В углу стоит наше районное красное знамя. Только тут я сообразил, что боевое наше знамя в самое горячее время боев стояло в углу.

Наконец я с одним товарищем везу это знамя и водружаю его в наших окопах на Остоженке.

Когда я вернулся в штаб, там никого уже не было.

Все ушли отдыхать. Надо было набраться сил для дальнейшей борьбы.

З. Легонькая-Холоднова — разведчица — кондуктор Замоскворецкого трампарка, член ВКП(б) с 1917 г. В настоящее время начальник сектора труда Моссадвинсовхозтреста.

З. Легонькая (Холоднова)

Воспоминания разведчицы

В 1917 г. я работала кондуктором в Замоскворецком трамвайном парке (им. Апакова). Состав службы движения здесь оказался особенно революционно настроенным. Уже вскоре после февральской революции у нас организовалась ячейка большевиков в таком составе: Князев, Максимов, Исаев (старший), Сгибнев, Апаков, Сергей Жуков, Саусский, Легонькая, Шлембаум, Савченко, Петров, Селиверстов и др.

Ячейка была тесно связана с райкомом, помещавшимся в студенческой столовке на Малой Серпуховке. Здесь по вечерам происходили заседания, лекции, беседы. Тут же за закрытыми ставнями обучали, как владеть винтовкой.

Перед так называемым «московским совещанием» у нас по заданию райкома стала создаваться Красная гвардия, регулярно проходившая военное обучение. Занятия происходили в райкоме или в парке.

Вечером 25 октября приходит из райкома т. Апаков, экстренно созывает партийное собрание и информирует нас о создавшемся в Питере положении, о том, что Москва должна быть готова к захвату власти. Тов. Апаков в заключение приглашает

нас пойти на Калужскую площадь (в трактир Полякова). Идем. Со всех заводов подходят большевики. Здесь мы регистрируемся.

Не могу вспомнить, кто открыл собрание в совете. Знаю только, что от райкома делал доклад т. Файдыш: сообщал сведения о Ленинграде и о положении в нашем районе. Говорил он о степени нашей готовности к выступлению, о начавшемся стягивании юнкерских сил в центр и о нашем вооружении.

После выборов штаба Красной гвардии (причем о каждом кандидате давались подробные характеристики и кандидатура тщательно обсуждалась) прибыли представители от воинских частей, расположенных в районе. Представители от имени рядовых солдат сообщили о решении их стать на защиту советов.

После собрания меня оставили дежурить в совете у телефона. Около часу ночи телефонная связь прервалась. Меня вызывает Сычев Николай и дает задание: отправиться тотчас же в разведку по маршруту: Пятницкая улица — Москворецкий мост — Красная площадь — Моссовет. Цель разведки — установить расположение юнкеров, получить из Моссовета инструкции и вернуться обратно. Меня сопровождали тт. Коркин, наш слесарь, Чугунов, Иванов и кондукторша Паня Крюкова. Сговорились между собой, как действовать. Я взяла на себя роль старшей по разведке.

Дошли до Москворецкого моста. Видели на постах красногвардейцев. Приближаемся к кремлевской стене.

Говорю своим разведчикам: «Я подойду к Спасским воротам, и, чтобы не было подозрения, стану класть крестные поклоны, а вы идите по линии трамвая и присматривайтесь: сколько поклонов — столько и юнкеров». Юнкера стояли по кремлевской стене и у Спасских ворот.

Сделала, как уговорились: «помолилась». Юнкера молчат, не мешают. Когда же пошла вдоль стены, где сейчас могилы жертв Октября, юнкера принялись меня гнать оттуда. Притворилась, что ничего не знаю. Спрашиваю: «Почему нельзя итти? Мне надо на работу в Сокольнический трампарк...»

Тогда они вступили со мной в беседу. Объяснили:

«Завтра вы работать не будете, завтра будем вешать большевиков. Итти же здесь нельзя, потому что в Кремле засели большевистские банды, ждут от немцев помощи. Не дождутся— уморим голодом...»

После этого я отправилась к Никольским воротам — там те же поклоны. Отсюда были видны юнкера, расположившиеся и в музее и вдоль Александровского сада.

Соединяюсь с разведчиками. Идем вместе. И вдруг вылетают из Александровского сада двое казаков на лошадях, кричат:

«Стой! Кто идет?»

Говорим: «трамвайщики», и идем дальше.

Не хотели пускать. Затем один, махнув рукой, сказал:

«Ну, чорт с ними, пусть идут. Попадет шальная пуля в голову — туда им и дорога...»

Бронированный грузовой вагон Замоскворецкого трампарка, курсировавший по линиям Каменного и Москворецкого мостов в октябрьские бои. На снимке: красногвардейцы — участники этих поездок: тт. **Бандурин, Парамонов, Мочилин и Спиридонов.**

Выбрались на Воскресенскую площадь, пошли к городской думе. Там тоже юнкера, но немного. Через Театральную, около «Континенталя», идем на Большую Дмитровку, доходим до Столешникова переулка. Здесь — мертвая тишина. А у Камергерского уже наши патрули.

Приходим в Моссовет, сообщаем о пройденном маршруте и о юнкерах. Получаем задание пройти к Большому и Малому театрам и гостинице «Метрополь», посмотреть и снова вернуться в Моссовет. Разделились по «парочкам». Я с т. Коркиным пришла к Большому театру, а Иванов с Панькой Крюковой пошли к Неглинному и, обойдя Малый театр, вышли к нам навстречу. Видели юнкеров и в «Метрополе», причем из ворот слышался конский топот.

У театров никого не видали. Двери были заперты, тишина.

Вернулись с донесением в Моссовет. Получили вновь поручение пробраться к манежу и к Александровскому саду.

Путь был опасен: всюду юнкера. Выручало то, что мы были молоды и хорошо играли роль влюбленных парочек. Хотя и с окриками, но пропускали. Предупреждали лишь, чтобы не возвращались: «увидим опять — пулю в лоб получите».

Мы же шли по мостовой и нарочно, чтобы не было подозрений, громко разговаривали, смеялись.

Манеж был весь освещен. Здесь навстречу нам выходят уже не юнкера, а офицеры. Видят, что идут трамвайщики: мы были в форменной одежде. Кричат: «идите, идите, чорт их тут носит!» Идем спокойно, а по правде же сказать — у нас поджилки дрожали. Доходим до Каменного моста. Мост освещен очень ярко. По эту сторону, у Ленивки и храма спасителя, стояли офицеры.

Перебираемся через мост. Здесь встречает нас наша охрана, встретились и трамвайщики в своей засаде—трамвайном вагоне, с погашенными огнями у Малого Каменного моста.

Закончив таким образом разведку, мы явились в штаб, рассказали.

Тогда нас направили рыть окопы у Каменного моста.

На третий день восстания т. Апаков забрал было меня в свой отряд, но вернул Сычев, руководивший разведкой, и оставил при разведке. Через несколько времени к штабу прибыл трамвайный вагон с Апаковым, Саусским, Марусей-стрелочницей. Посадили сюда и меня. Двинулись по Полянке к Каменному мосту. Но у Малого Каменного по нас был открыт юнкерами пулеметный огонь. Пришлось вернуться обратно.

Спустя несколько времени, меня вновь вызывает т. Сычев и говорит:

«Вот, Легонькая, нам нужно доставить бумажку в Московский военно-революционный комитет. Бумажка важного значения. Ее нужно спрятать так, чтобы в случае, если даже попадешь к белым, чтоб ее не нашли. А доставить надо во что бы то ни стало..!»

Бумажку скатали и зашили мне в петлицу (я была в кондукторской шинели). Отправилась я опять с т. Коркиным, хотя ему неизвестно было, с каким поручением я иду. Через Крымский мост, Зубовскую площадь, переулками вышли на Арбатскую площадь.

Здесь в помещении Александровского военного училища был штаб белых. Подошли к трамвайной станции. Много зевак. На самую площадь пускают лишь женщин. Направились с Коркиным напролом. Остановили. Коркина вернули, меня пропустили. На беду я оглянулась посмотреть, куда пошел Коркин. Юнкерам это показалось подозрительным. Они меня арестовали, ведут сначала к коменданту в помещение кинотеатра, а затем в самое училище.

Немного струсила я, подумала: «вдруг найдут бумажку». Решила притвориться на всякий случай полудурочкой.

В помещении у белых паника — наша тяжелая артиллерия обстреливает Арбат. Военный со звездочками, как только увидел мою кондукторскую форму, закричал: «Ведите эту сволочь на чердак, пусть послужит мишенью своим товарищам».

Ну, думаю, пропала: и поручения не выполню и убита буду. В глазах зарябило, не помню, как на чердаке очутилась. Помню лишь, когда втолкнули в низенькую дверь, я споткнулась и упа-

ла, ноги мои остались еще за дверью. Один из приведших ударил прикладом по ногам.

Пришла в себя. Слышу: неподалеку рвутся снаряды. Вдруг шаги по лестнице и окрик «вылезай». Свели меня вниз, обыскали. Стали допрашивать: кто я, откуда и куда шла. На мое счастье нашли у меня паспорт с пропиской. Заявила, что я кондуктор Замоскворецкого трампарка, была в Уваровском парке на дежурстве еще до боя и вот никак не доберусь до дома. Хотела, мол, пройти через Крымский мост — не пускают большевики.

Стали спрашивать: много ли их там, есть ли у них латыши, матросы... Начала я им сыпать, что у большевиков тьма-тьмущая народу, есть и латыши, и китайцы, есть и те, которые «по небу летают». Говорю, а сама думаю: не навредила ли своим-то. Прошу пропустить меня хоть через Устьинский мост. Посмотрели на меня, выругали и выпустили. Через Арбат, правда, не пустили. Пошли мы вдвоем, с одновременно выпущенным солдатом-двинцем, по Знаменке и по Никитской.

У Никитских ворот — сильный бой. Пошли Брюсовским переулком на Тверскую, кое-как нас пропустили к Моссовету.

Обрадовалась я тому, что все же дошла. Шла я еле-еле, поддерживал двинец: очень болели ноги от удара прикладом.

В военно-революционном комитете сказала, что я разведчица из Замоскворецкого района, принесла записку. Вспороли петлицу. Оказалось, что я принесла план нашего наступления и расположения наших боевых частей. Тут же в записке просили прислать знающего хорошо военное дело товарища. В моем присутствии вызвали какого-то военного в офицерской форме, сказали, к кому и куда он должен явиться в Замоскворецком районе, а я должна была его лично там удостоверить. Рассказала ему, где лучше можно было пробраться к нам, он ушел.

Тут просили меня показать по карте, что я знаю. Сопоставляли со сведениями, полученными из бумажки.

Когда узнали, что у меня болят ноги, поместили меня в пулеметную команду к двинцам. Здесь я помогала набивать пулеметные ленты. Пробыла я там около суток.

Затем меня отправили в наш район. Вместе со мной на грузовике под охраной пересылался и пулемет «максим» для Замрайона. Окольными путями добрались мы благополучно.

В ревкоме меня считали уже убитой. Там уже оказался и тот военный, которого назначили к нам. Так как у него не было бумаг, мое удостоверение, что это и есть он самый, сильно помогло ему.

Теперь я получила наган, да двинцы в Моссовете дали мне винчестер и патроны. Но подоспело новое поручение по разведке, и мне пришлось оружие оставить на месте.

Новое задание было такое: чтоб установить расположение белых и их количество, выехать в трамвайном вагоне через Зацепу, Садовники, Устьинский мост, Китайский проезд, Варварскую площадь, Лубянскую площадь...

До Лубянской все шло более или менее благополучно, но тут мы попали под перебитый провод и нас окружили юнкера и учащиеся в форме. Скомандовали: «руки вверх!»

Обыскали нас. Ничего не нашли. От расправы нас видимо спасло то, что было объявлено перемирие, и на наше счастье явился дежурный электростанции, который указал нам другой путь, по которому можно объехать, и объяснил юнкерам, что мы выехали на осмотр поврежденных линий — без чего, дескать, нельзя приступить к работе.

Выехали на Маросейку. У Армянского переулка нас снова обступают белые, но тут как раз подходит красногвардейский отряд Рогожского района. Завязывается перестрелка, белые отступают. Сообщаем красногвардейцам о том, что видели, и едем дальше, к Земляному валу.

У Курского вокзала в это время разоружали прибывший поезд с офицерами-фронтовиками. Получили и мы часть оружия; поехали через Таганку в свой район, где и сдали это оружие военно-революционному комитету.

В последние дни боев нас снова отправили с вагоном, но уже не в разведку, а за оружием в Симоновские пороховые погреба. Ехали в двух вагонах с прицепами. Было нас человек пятнадцать. Нагрузили вагоны и отвезли оружие в «арсенал — в кино «Великан» на Серпуховской площади.

Второй раз мы ездили за оружием на Казанский вокзал, где оказался целый эшелон новых винтовок. Возили мы эти винтовки целый день.

После окончания боев в нашем парке был организован т. Файдышем штаб 3-й сотни при трампарке. Начальником был т. Апаков. После его отозвания в район начальником выбрали сначала т. Шлембаума, вернувшегося из госпиталя после ранения на Остоженке, а затем Грицку Александрова. Меня выбрали секретарем штаба и для связи со штабом района. Саусский был председателем ревкомиссии, тт. Мочилин и Евреинов — членами этой комиссии.

Но этим дело не кончилось. Фронт только возникал. Мне с нашим отрядом пришлось выезжать в Коломну. На нашу долю пришлось арестовать главарей тамошнего восстания.

После приезда из Коломны—в январе 1918 г.—по предложению штаба Красной гвардии Замоскворецкого района мне пришлось собрать наших красногвардейцев для отправки против наступавшего польского легиона.

Вечером мы погрузились в вагон на Александровском вокзале. Из нашего парка ехали: я, Рыжов, Николай Яценко.

Руководителем этого отряда был Николай Сычев. С нами ехали из Александровских казарм солдаты 55-го полка под командой т. Азарха, красногвардейцы завода Михельсона, фабрики «Волк», мищеринские, завода «Динамо», Бромлей, из электрической трамвайной станции и из МОГЭС. Отряд был очень большой. Был взят специальный состав поезда.

В Вязьме мы получили направление и поехали в Смоленск.

С. С. Кравчук —
член райкома комсомола в 1917 г. Работал в санотряде и исполнял различные поручения. Член ВКП(б) с 1917 г. В настоящее время директор и профессор Московского института советского строительства при ВЦИК.

Здесь нас накормили горячим обедом и поздно вечером отправили под г. Ельню, где оперировали польские легионеры. Из осторожности наш состав двигался очень медленно. В пути мы поймали их разведчиков.

Не доезжая две-три остановки до станции Ельня, мы услыхали стрельбу. Построились в ряды, разбились на несколько групп. Наша группа под командой т. Князева пошла на левый фланг, в обход.

Меня направили сначала на разведку. Но затем догнал меня т. Князев и сказал, что направление известно и мы должны итти прямой дорогой.

Я шла впереди отряда, а т. Князев вел весь отряд сзади. Стали раздаваться недовольные голоса из состава старых солдат: «Зачем впереди идет баба?» Тов. Князев им объяснил, что я испытанная разведчица, и они умолкли.

Не доходя до деревни, где мы должны были остановиться, меня снова послали вперед: узнать, нет ли поляков. В деревне я зашла в первую избу, «халупу». Там мне сказали, что поляки недавно ушли и в деревне неприятеля нет. Вернулась и доложила т. Князеву. Тогда отряд вошел в деревню. Здесь мы обнаружили наших конных разведчиков, которые были посланы со станции и потеряли с нами связь. Отругав их как полагается, т. Князев дал распоряжение разместиться отряду, а меня с другими красногвардейцами и солдатами (нас было 10 человек) послал в разведку дальше.

Рассыпались в цепь и пошли по кустарнику. Когда вышли в открытое поле и пошли по сугробам снега, мы были замечены

поляками. Было уже утро, светло. По нас открыли огонь. Мы отвечали, соединились с отрядом и пошли в наступление.

Стреляли из халуп. Мы окружили одну из них, стрельба прекратилась. Возник вопрос: кому итти вперед? Все были с винтовками, а с наганом одна я. Решили послать меня. Взвела я курок, дослав патроны в ствол, открыла дверь и вошла в халупу.

Двое ребятишек закричали из-под печки: «Ой, тетенька, не тронь нас, мы скажем, где дяденьки спрятались».

Оказалось, что поляки, расстреляв патроны, спрятались под пол. Когда мы вышли из этой халупы, по нас начали опять стрелять из большого села, имения Мочулы. Стреляли частым огнем, разрывными пулями. Пришлось отступать. При отступлении ранили одного из красногвардейцев, его мы оставили на снегу. Когда мы стали отступать по направлению к нашему штабу — оттуда вдруг начали стрельбу. Мы сообразили, что стреляют по нас наши же. Кто-то кричит: «Легонькая, выходи на большую дорогу, узнают, что это наша разведка, прекратят стрельбу!» Я была в штатской одежде, в поношенном коротеньком пальто. Меня скорее узнают.

Вышла я на дорогу. Вокруг пули свистят, жутко сделалось: умирать не хочется... Наконец наши узнали, прекратили стрельбу.

Пошел один из товарищей сообщить Князеву о неприятеле. Весь отряд немедленно отправился по следам поляков. По пути мы думали найти нашего раненого, но его уже не оказалось: забрали его поляки в плен.

Позже оказалось, когда польская застава с нами вступила в бой, их главные силы стали удирать из села Мочулы. Уходили так спешно, что в деревне оставили часть своего обоза. Оставили и нашего раненого.

Выяснилось и то, что наша разведка навредила, обнаружив себя раньше времени. Это дало возможность полякам удрать и от нас и от нашего «правого фланга», который их обстреливал орудийным огнем.

Войдя в село Мочулы, мы соединились с отрядом «правого фланга», который только что вошел. Он привез с собой одного убитого красногвардейца — Гришу. Здесь был и т. Сычев. Поляки отступили.

После организации здесь совета мы выехали в Москву. По дороге мы узнали, что заключен Брестский мир.

Уваров А. У., Стрелков Н. В.,
Коршунов П., Пчеленков Н.,
Горбачик О., Ригосик С.,
Кржеминский В. М.

Красногвардейцы завода им. Ильича

Славная страница

Со времен революционного подполья и поныне завод им. Ильича (бывш. Михельсона) с честью несет знамя партии и имя Ленина.

Еще в годы империалистической войны организуется на заводе крепкая большевистская ячейка. В нее входят: тт. Стрелков, Уваров, Волков И., Горбачик и др. Ячейка тесно связана с подпольным Московским комитетом партии. Из рядов ее выходят товарищи на руководящую подпольную работу. Тов. Стрелков избирается членом районного, а т. Горбачик — Московского комитета партии.

С этого времени связь завода с партией становится неразрывной. С первых дней февральской революции, когда еще значительное большинство рабочего класса было одурманено предательскими меньшевистско-эсеровскими либердановскими лозунгами, завод стал большевистской крепостью партии в Замоскворецком районе, самом революционном районе Москвы. Рабочие завода посылают в Московский и районный советы депутатами выдержанных большевиков, проверенных на подпольной работе, и отдают партии руководство своим заводским комитетом, который становится центром партийной и революционной жизни и для окружающих заводов: фабрики Брокар и Ганзена, завода Котова и др.

Не успели еще замолкнуть на улицах оркестры музыки, кремевшие славу февральской революций, не успели высохнуть перья меньшевистских и эсеровских писак во славу «великой и бескровной», как партия выдвинула новые задачи и лозунги. В апреле 1917 г. Ленин публикует свои знаменитые тезисы, встре-

ченные диким воем объединенного буржуазного фронта — от Гучкова до Чхеидзе. Даже среди кое-каких «старых большевиков» начались колебания. У нас в Москве например Рыков, Ногин и др. энергично отстаивали буржуазно-демократический характер революции. Заводская партийная организация была не с ними. Она сразу же восприняла ленинские лозунги, поняла их подлинно революционную сущность и повела за собой рабочих завода по пути подготовки к октябрьским боям.

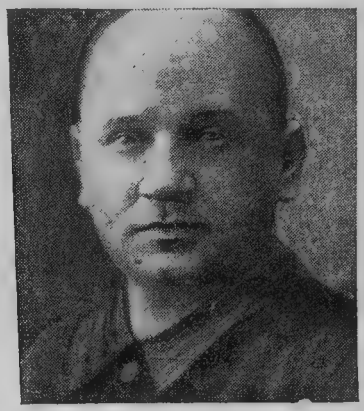
Не было нужды завоевывать большинство на заводе. Он стоял целиком и полностью на ленинских позициях: масса шла за партией. Районный комитет партии уже ставил иную задачу — завоевывать большинство на других фабриках и заводах, в солдатских казармах. Рабочие-большевики нашего завода стали надежнейшими и лучшими партийными агитаторами.

Наряду с агитацией неизменно стоял вопрос о подготовке к назревающей схватке с буржуазией, и рабочие завода ясно сознавали, что голыми руками ее не одолеть. Вот почему забота о вооружении рабочих встала с первых же дней февральской революции и являлась первоочередной задачей вплоть до самых октябрьских боев. Начало этого вооружения было положено захватом оружия, принадлежащего варшавской полиции, которое находилось в бывшем Сибирском банке. Заводский грузовик направился к банковским складам, красногвардейцы обезоружили охрану и вывезли на завод 125 винтовок, 75 револьверов и много ящиков патронов.

Слух о захвате оружия быстро распространился по городу. Меньшевики и кадеты обеспокоились—нельзя оставить оружие в руках большевистского завода!—и потребовали сдачи его. Но было поздно. Заводские большевики заделали оружие в обшивку стен гранатного корпуса. На все назойливые требования о сдаче оружия они недоуменно разводили руками и отвечали: «У нас никакого оружия нет, ищите...»

Если просмотреть сохранившиеся протоколы заводского комитета того времени, то почти изо дня в день наталкиваешься здесь на вопросы о вооружении рабочих и на заботу о хранении оружия. Здесь мы найдем и посылку делегации в совет с требованием вооружения, и проверку того, как хранится выданное красногвардейцам на руки оружие, и борьбу с предателями, пытавшимися торговать оружием, и обращение к рабочим оружейных заводов о помощи, и т. п. Партийная организация и заводский комитет вопрос об одном пропавшем или отобранном револьвере обсуждали с таким же вниманием, как обсуждались крупнейшие вопросы.

Одновременно организуется Красная гвардия. Протоколы сохранили краткую запись от 14 апреля 1917 г.: «утверждается устав Красной гвардии». Пока длились бесконечные разговоры в меньшевистско-эсеровских советах о вооружении рабочих, разговоры, имевшие целью возможно дольше саботировать это дело, наша партийная организация уже вооружала пролетариев и утверждала устав своей боевой организации.



М. В. Кржеминский (Пан) — рабочий завода Михельсона, организатор и командир отряда Красной гвардии завода Михельсона. Командир 2-го Замоскворецкого партизанского отряда (Новозыбков, Гомель). Член ВКП(б) с 1917 г. В настоящее время управляющий трестом.

Красная гвардия на заводе насчитывала 121 бойца. Каждый красногвардеец получал от заводского комитета удостоверение на право ношения оружия. Наиболее красочным пунктом в этих удостоверениях было указание на то, что красногвардеец без ведома заводского комитета ни аресту, ни обыску не подлежит. И это было отнюдь не пустой декларацией. Мы в то время плохо умели писать, но уже если писали, то неизменно исполняли. Для иллюстрации приведем факт, нашедший отражение все в тех же протоколах.

У рабочих И. Волкова и Мельникова власти отобрали оружие и сдали его в окружной суд. Дело принимает плохой оборот: ведь буржуазный суд с рабочими шутить не любит. Но и михельсоновские большевики тоже не шутят. Они обсуждают на заводском комитете этот вопрос и постановляют: «послать т. Волкова И. и Мельникова в окружной суд отобрать отобранное у них оружие». И те идут и отбирают.

Почти напротив заводских ворот находились ворота Александровских казарм, где разместился 55-й пехотный запасный полк. И к нему устремляется внимание рабочих, они становятся частыми и желанными гостями в солдатских казармах. Крестьяне, одетые в серые шинели, затаив дыхание, слушают новые для них слова о мире, хлебе и свободе. «Октябрьская революция победила потому, что сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата, и пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни» **(Сталин)**.

Вот эту-то задачу отвоевания у буржуазии крестьянских резервов михельсоновские большевики прекрасно поняли и выполняли. Казарма вскоре стала одним неразрывным целым с за-

водом — не только идейно, но и организационно. Заводский комитет посылает в полковой своего представителя—т. Стрелкова с правом решающего голоса и тем самым становится фактическим руководителем солдатской массы. Результаты такой тактики не замедлили сказаться. В апрельские и июльские дни завод вместе с вооруженным полком выходит на улицу.

В нашем распоряжении имеется доклад члена Московского совета от нашего завода т. Козлова. Он с гордостью рассказывает, что «меньшевики и эсеры констатируют, что виновником апрельской демонстрации явился завод Михельсона».

В июльские дни, несмотря на запрещение демонстраций, вновь вооруженные завод и полк идут к Московскому совету с требованием взять власть в свои руки. Под вой буржуазной публики, грозно ощетинившись штыками, они проходят через центр города, предвещая скорую гибель капиталистического общества. После долгих и трусливых уговоров меньшевистско-эсеровских заправил, лживых слов и обещаний демонстрация солдат и рабочих идет к Московскому комитету партии, чтобы выразить ему свою преданность и волю к победе. Партия отвечает призывом накапливать силы к грядущей схватке и оставляет у себя лучших красногвардейцев завода. С тех пор до самой Октябрьской революции заводская Красная гвардия охраняет свой партийный центр.

Именно эти выступления и создают заводу Михельсона общемосковскую известность. Буржуазная и лакейская «социалистическая» печать бьет тревогу по поводу «самочинств» этой большевистской крепости. Хозяин завода, председатель общества фабрикантов и заводчиков Московской области, Михельсон, пробует взять рабочих голодом. Он отказывается выплачивать заработную плату. Ответ хозяину дает Красная гвардия. Она производит на его квартире обыск, конфискует из несгораемого шкафа наличные деньги и привозит их на завод. Назревает крупнейший конфликт. Хозяин грозит закрытием завода. Когда же и эта угроза не производит никакого впечатления, на помощь являются хозяйские клевреты. Директор завода Воробьев приходит в заводский комитет с елейной речью о хозяйских убытках и пытается вовлечь рабочих в хитрую и ловко задуманную «кооперацию» с хозяином. Завод будет-де общим, на кооперативных началах, и прибыли будем делить вместе. Партийная организация выступает с резкой отповедью хозяйскому прихвостню. Она разоблачает его; рабочие единогласно отвергают эту попытку обойти их с тыла и купить «прибылями». Однако здесь михельсоновцы не избегли ошибки. Хозяйские послы склоняют их требовать от Временного правительства назначения правительственного правления, питая надежду, что здесь будут сидеть наряду с хозяином соглашатели меньшевистско-эсеровского блока и таким путем смогут взять непокорный завод в руки, а хозяину обеспечат субсидию. Рабочие пошли на эту удочку и отправили в Петроград делегацию (тт. Уваров, П. Волков, Н. Иванов), в которую также вошел и хозяйский посол Во-

О. Горбачик —

работница, один из организаторов Красной гвардии завода Михельсона. Член ВКП(б). В настоящее время начальник отдела кадров СВАРЗ.

робьев. После долгих шатаний по министерским приемным, где к ужасу Воробьева наша делегация шумела и выставляла требования не хуже, чем у себя на заводе, рабочие делегаты отправились в особняк Кшесинской. Там состоялась первая встреча михельсоновцев с Лениным. Он буквально набросился на них, расспрашивая о каждой мелочи, каждой детали, и решительно осудил обращение к правительству.

Завод усвоил урок, полученный им от Ленина, он быстро выправляет допущенную ошибку. Партийная организация и рабочие с этого момента приступают к осуществлению рабочего контроля над производством.

Тем временем партия завоевала большинство на заводах, в казармах и в советах. «Опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением» **(Сталин).** Вопрос о восстании становится в порядок дня. Михельсоновцы активно готовятся к нему. В литейной льются бомбы, в клубе эти бомбы начиняются динамитом, в мастерских на станках выделываются самодельные револьверы.

Вопрос об оружии получает актуальнейшее значение. И тут михельсоновцы действуют старыми, испытанными методами. В сентябре на заводе получены сведения, что в особняке городского головы, эсера Руднева, хранится большое количество оружия. Опять на сцену появляется заводская Красная гвардия. По предложению военной организации Московского комитета она во главе с тт. Стрелковым и Уваровым производит обыск у городского головы. Правда, оружия находят немного, но мануфактуры, сахара и пр. обнаруживают огромные запасы. Оставив запасливому и предусмотрительному эсеровскому вождю его запа-

сы, михельсоновцы-красногвардейцы забирают оружие и исчезают. В Москве поднимается невообразимый шум. Но Красная гвардия умела хранить тайну: этому научили ее большевики-подпольщики. Так и осталось неразгаданным для всех кроме партии, кто совершил налет на сановного московского городского голову.

●

Восстание в Петрограде началось. Эта весть быстро облетела завод. Гудок мгновенно собрал рабочих в гранатный корпус. Собрание было непродолжительным, но по своей напряженности и решительности оно навсегда врезалось в память всех участников его. Тут же на собрании начали организовываться новые отряды красногвардейцев.

Длинная очередь рабочих выстроилась у стола товарища, производившего запись. Она тянулась через весь корпус и выходила во двор. Записывались и старый и малый. Пятнадцатилетний мальчик Андреев, по прозвищу Арбуз, со слезами умолял принять его в Красную гвардию. Через несколько дней этот мальчик-герой погиб в бою.

Враг тоже не дремлет. Невдалеке от завода расположены школы прапорщиков. Они мобилизуют силы буржуазии и в полном вооружении, с пулеметами выступают и двигаются к центру. Рабочие видят это. И в тревоге идут в свою партийную организацию и в заводский комитет, требуют, чтобы были открыты военные действия против юнкеров. Побуждаемые рабочей массой товарищи комитетчики отправляются в район.

Была темная осенняя ночь. Окна особняка на Малой Серпуховке, где беспрерывно заседал актив, были ярко освещены. В тесных комнатах нельзя протолкаться. Сюда собрались делегаты всех фабрик и заводов, красногвардейских отрядов и солдатских полков. Вооруженные люди здесь были молчаливы. Они готовились к бою, оттого в шумных всегда помещениях столовой было непривычно тихо.

Наши комитетчики едва пробрались к столу и потребовали слова вне очереди. Его дали. Заговорил завод Михельсона. Он повторил свое требование теми же словами, которые час назад услышал от своих рабочих на заводе. Они были кратки и ясны: **пора начинать бой за власть советов!** И слова эти были понятны всем, они всколыхнули собравшихся. Через пять минут из особняка выехала в центр делегация с теми же требованиями.

А на заводе тем временем кипела невиданная и непривычная жизнь: завод превратился в вооруженный лагерь восставших. Ежедневно в восемь часов утра открывалось общее собрание. На нем заслушивалась краткая информация о событиях в Питере и в Москве. Затем начиналась деловая часть. Здесь же, на собрании, давались распоряжения, какому отряду и куда двинуться, организовывались санитарные отряды, пикеты разведчиков, мастерские для ремонта автотранспорта всего района. Все это делалось коллективно, всеми рабочими.

И. Я. Козлов —
рабочий завода бывш. Михельсона. Член ВКП(б) с 1917 г. В октябрьские дни председатель завкома завода бывш. Михельсона. Умер.

Здесь же часть двинцев, открывшая боевые действия и вписавшая в историю московского октябрьского восстания героическую страницу, получила оружие. Отсюда двинцы ушли на Красную площадь, чтобы в схватке с юнкерами заложить первый камень победы. Весть о том, что двинцы, хотя и с огромным уроном, но все же разгромили юнкеров и прорвались к Московскому совету, была воспринята восставшими с энтузиазмом. Всякий хотел походить на этих героев.

Схваткой двинцев с юнкерами началось в Москве вооруженное восстание за власть советов. Вместе со всем рабочим классом Москвы михельсоновцы вышли на передовые линии боя. Важнейшие стратегические участки в районе были отданы им. Они принимают активнейшее участие в боях и занимают трамвайную электрическую станцию, Малый и Большой Каменный мосты. У последнего пал в бою рабочий завода Киреев и получил ранение рабочий Коршунов.

Михельсоновцы дрались и на другом ответственнейшем участке фронта восстания — на Остоженке, у подступов к зданию штаба военного округа. Здесь происходили наиболее серьезные бои, сюда партия и военно-революционный комитет посылали наиболее ответственных и стойких борцов. Среди них на первом месте были рабочие завода Михельсона, ныне им. Владимира Ильича.

На Остоженке шли жестокие бои. Юнкера дрались за каждую пядь мостовой. Из окон буржуазных квартир сыпались на восставших пули. Под их градом Красная гвардия Замоскворечья продвигалась вперед, занимая дом за домом, двор за двором. В этих боях убит мальчик-герой—Арбуз (Андреев), ранены рабочие завода Мартынов и Пчеленков.

Кто-то очень хорошо сказал об этих днях: «Не было отдельных героев, героем была сама масса». Действительно рабочие нашего района дрались, как львы, и михельсоновцы были передовым, ударным отрядом партии. Нужно ли выполнить ответственную задачу, достать снаряды для орудий—за ними командируется на Мызу Раево т. Уваров, необходимо ли послать комиссара в 55-й полк — выбор райкома падает на рабочего завода, старого большевика т. Стрелкова.

Семь дней длились бои, и победа была одержана. Рабочие стали у кормила правления новой, первой в мире, советской власти. Начинался новый этап революции, такой же героический, как и восстание.

Перед заводом возникли новые задачи. Характерно, что одним из первых вопросов стал вопрос о дезертирах. Так записано в протоколах общего собрания завода. «Лиц, выехавших из Москвы в дни восстания без разрешения на то заводского комитета, лишить права быть избранными во все рабочие организации нашего или от нашего завода; лишить их заработной платы за дни забастовки во время революции, которую отчислять в революционный фонд». Почти в то же время вождь революции писал о дезертирах, появившихся в рядах Центрального комитета (Каменеве, Зиновьеве и др.): «Мы заявляем, что ни на минуту и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства масс, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии» **(Ленин)**.

Своим депутатам в Московский совет рабочие завода дают замечательный наказ. Вот выдержки из него:

«1. Вы обязаны, товарищи, всеми силами и средствами укреплять политическую власть советов рабочих и крестьянских депутатов как власть наивысшую в Российском государстве и энергично бороться против всяких попыток эту власть подорвать, хотя бы под лозунгом передачи ее Учредительному собранию. 2. Поддерживайте достигнутые завоевания рабоче-крестьянского правительства и настаивайте на проведении во всех областях хозяйственной и политической жизни страны мер, приводящих к торжеству социалистического строя Российской федеративной республики советов. 3. Запрещаем вам вступать в соглашения с буржуазией или поддерживать соглашательскую политику и наказываем вам продолжать беспощадную борьбу с контрреволюционной буржуазией, разрушать империалистическую войну и укреплять Международный интернационал пролетариата».

Этот замечательный документ мог появиться только там, где

Военкомат Замоскворецкого района на броневике.

целиком люди были проникнуты ленинскими идеями и где эти люди накрепко и навсегда связали себя с партией.

Завод выполнил наказ, данный своим депутатам в первые дни после восстания. Отряды, посланные им на фронты гражданской войны, героически дрались и побеждали. С началом восстановительного периода завод упорно, по-большевистски боролся за восстановление разрушенного производства и в дальнейшем развернул победоносную борьбу за строительство социализма.

На месте грязных и дымных михельсоновских корпусов выросли новые здания завода им. Ильича, появились новые станки и машины, развернулось жилищное и культурно-бытовое строительство. Разгромив попытки контрреволюционного троцкизма, который попытался пробраться на завод, разоблачив и разгромив правых оппортунистов, завод под руководством своего партийного комитета шел от победы к победе, с честью неся славное имя Владимира Ильича Ленина.

Сергей Лебедев и Иван Чадин

Красногвардейцы фабрики Цинделя

До империалистической войны 1914 г. фабрика Цинделя производила мануфактуру — сатин, ластик и маркизет высокого качества. Владелец фабрики богател и расширял с каждым годом производство, конкурируя даже на внешнем рынке. Возводились новые корпуса, оборудованные по последнему слову техники.

Война приостановила этот рост фабрики. Приостановила так внезапно, что во вновь выстроенных корпусах не успели даже поставить текстильные машины.

В погоне за наживой владельцы фабрик оборудовали два корпуса под военное производство. Один из них производил 3-дюймовые снаряды, другой исправлял старые гильзы.

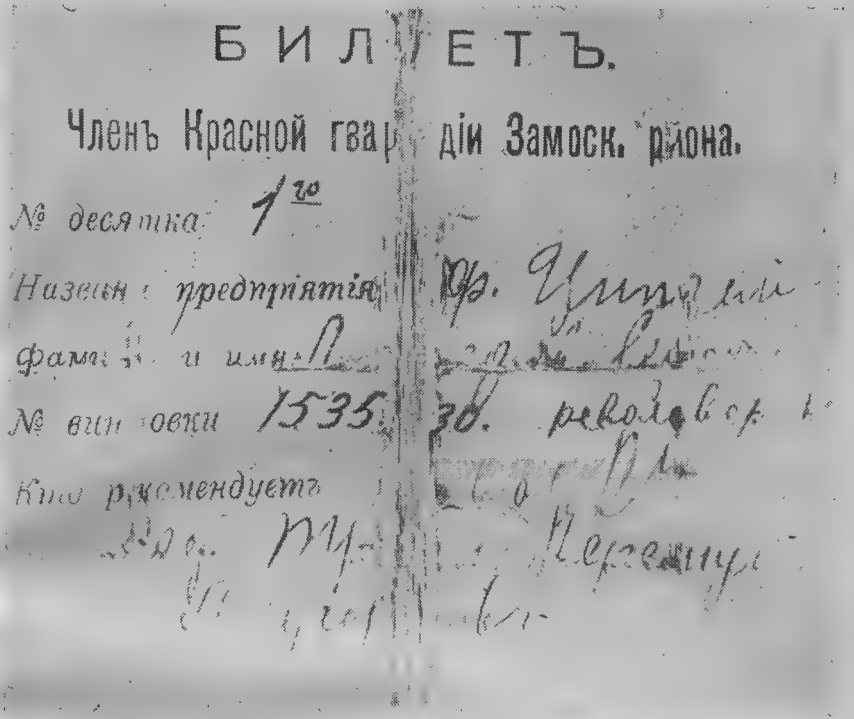
Таким образом на фабрике появились новые рабочие, уже не цинделевцы, не текстильщики, а металлисты. Большинство из них—высококвалифицированные.

Следует сказать, что на фабрике Цинделя до войны часть рабочих была настроена революционно. Но многие квалифицированные рабочие были разложены разными хозяйскими подачками.

Во время войны большинство революционно настроенных цинделевцев было послано на фронт. На фабрике остались женщины, старики да сынки фабрикантов.

После свержения самодержавия на фабрике Цинделя были созданы два фабричных комитета, которые существовали вплоть до Октябрьской революции. Один был комитетом рабочих, другой — служащих. Работа комитетов проходила далеко не гладко, никогда не было между ними единства, хотя и в том и в другом комитете преобладали меньшевики.

Во время выборов в городскую думу центром этих выборов в Замоскворецком районе была фабрика Цинделя. На предвыборных собраниях отчетливо обнаружилось подлинное лицо соглашательских фабзавкомов, и группа большевиков повела борьбу за их обновление. С трудом удалось обновить фабком рабочих. Сюда вошли часть революционных пролетариев, металли-



БИЛЕТЪ.

Членъ Красной гвар[illegible] дии Замоск. района.

№ десятка 1-го

Назван[illegible] предприятія [illegible]

фами[illegible] и имя [illegible]

№ винтовки 1535 30. револьвер [illegible]

Кто рекомендует [illegible]

Образец удостоверения красногвардейца Замоскворецкого района.

стов из гранитного отделения артиллерийского завода, и несколько большевиков, работавших на этом заводе.

Из меньшевиков главарями на фабрике были: Нехорошев И. Д., Тарасов Ф. Т. — ныне члены ВКП(б), Сухов — электромонтер, Савельев — отделочный мастер, Белохвостиков — машинист электростанции, Демин (этот менял свою физиономию беспрестанно: то меньшевик, то анархист) и наконец Морозов Н. К. — ярый защитник учредиловки, прихвостень управляющего Таирова. Являясь председателем фабкома, этот Морозов всячески лебезил перед хозяином, и ясно, что добиться каких-либо улучшений для рабочих он не мог, да и не желал.

Вплоть до Октябрьской революции группе большевиков приходилось вести жесточайшую борьбу с фабкомами, чтобы двинуть работу на революционные рельсы.

К моменту Октябрьской революции на фабрике было создано ядро коммунистов, хотя и малочисленное, но довольно сильное. Среди этих коммунистов были: Коротков, Пече, Бундурин, Павлов, Биксон. Большую работу вела также сочувствующая группа молодежи под руководством т. Делюсина.

Подготовка к октябрьским боям у нас началась за месяц до октябрьского восстания. Под руководством группы большевиков — тт. Пече, Короткова и Бундурина стали вербовать рабочих в отряд Красной гвардии. Вербовка проходила успешно. Большую часть отряда составляла молодежь, которая к тому времени уже начала оформляться в «Союз рабочей молодежи». Основных рабочих фабрики в отряде было немного. Большую часть составляли рабочие гранатного и гильзового отделений артиллерийского завода. Фабричные рабочие шли главным образом из механической мастерской как более революционно настроенные. Красногвардейцы стали обучаться умению владеть оружием, учились и уличному бою. К сожалению, у нас было чрезвычайно мало оружия. Рабочие ходили с разнообразнейшим оружием — вплоть до самодельного, холодного. Да и гранаты зачастую были собственного производства.

Недели за две до восстания в Тулу были посланы тт. Чадин И. и Бундурин для добычи оружия. Привезли они 50 наганов, которые раздобыли нелегальным путем на Тульском оружейном заводе у рабочих—частью за плату, частью даром. Это оружие выносилось с Тульского завода рабочими, которые были осведомлены, для какой цели оружие покупается.

Когда наш отряд красногвардейцев получил оружие, настроение сразу поднялось.

При фабрике находилась воинская часть слабосильной команды, которая и дала нам инструкторов по обучению военному делу. На учебу рабочие ходили за фабрику Цинделя—место это называлось «Муравли». Туда собирались не только рабочие нашей фабрики, но и товарищи с других фабрик и заводов: с «Поставщика», с завода «Пресс» и «Жемочкин», с фабрики Шустрова, с фабрики Шлихтерман и Фарбверк.

Так шли дни подготовки к военному делу и санитарному обслуживанию. В санитарный отряд входило большинство женщин. Главным инициатором этого отряда была работница фабрики Цинделя т. Анисья Каширина, которая погибла во время гражданской войны на польском фронте.

Когда из Питера были получены сведения о начавшемся там восстании, наш отряд перешел к выполнению особых заданий— к охране фабрики, к налаживанию связи с другими отрядами фабрик и заводов. Старая охрана фабрики была снята и заменена охраной Красной гвардии.

В ночь на 25 октября по распоряжению т. Короткова отряд почти в полном составе был оставлен на дежурстве при фабрично-заводском комитете.

Часов в 8 вечера начались летучие митинги во всех корпусах. Нам приказано было пойти по спальням и общежитиям для мобилизации рабочих. Всюду можно было видеть женщин с повязками Красного креста на рукавах. Рабочие кучками стали собираться к фабрично-заводскому комитету.

У фабкома шли оживленные беседы. Кто говорил: «Идем вы-

А. Каширина —
работница фабрики Циндель, красногвардейка. Не желая сдаться в плен во время гражданской войны, застрелилась.

колачивать старое гнездо жандармерии». Другие кричали: «Идем разгонять министров-капиталистов».

Было ясно всем, что подготовительный период кончился, что настало время действий. Рабочих собралось так много, что оружия нехватало.

Наш отряд красногвардейцев — 100 вооруженных — был разбит на десятки. Были выделены десятники и сотские, как мы тогда называли своих начальников.

Когда мы пришли в штаб ревкома на Калужскую площадь, там шла горячая работа. Тт. Пече, Файдыш, Коротков своим личным примером воодушевляли красногвардейцев.

Вот один из фактов. Из ревкома нам дают распоряжение немедленно отправиться в Лефортово, чтоб удалить из казарм кадетский отряд. Пробовали мы два раза. Шла перестрелка, но выбить неприятеля нам не удалось. Возвратились в штаб. Десятники старались убедить т. Файдыша в невозможности при таком количестве бойцов выбить противника. Но Файдыш вышел к нам и спросил: «Кто ездил в Лефортово?» Бойцы отозвались. Тогда он коротко предложил:

«Едемте обратно, ребята, со мной».

К нам прибавилось 10 матросов под командой Файдыша. Отряд отправился в третий раз. Через несколько часов мы уже

были в кадетском корпусе, где захватили два пулемета и другое оружие.

Так дрались бойцы Замоскворечья.

Активными участниками октябрьских боев, руководителями и организаторами были: тт. Пече, Павлов, Файдыш и Биксон.

Под руководством этих товарищей боролись с оружием в руках многие пролетарии Замоскворечья. Некоторые остались у нас в памяти: среди них тт. Смирнов А., Кочетков, Бохромкин П., Кожухов А., Афанасьев И., среди них и безвременно выбывшие из наших рядов бойцы за общее рабочее дело: тт. Бундурин, Коротков (нач. отряда Красной гвардии фабрики бывш. Цинделя), Пищерев Е., Смирнов, Шушуев, Каширина Анисья, матрос Викитин (Грозный Вася) и Боронин В. А. (умер от тяжелых ранений, был награжден орденом Красного знамени и представлен ко второму).

Н. Селезнев

Солдат на октябрьских баррикадах

Я служил в 55-м пехотном запасном полку, расквартированном в бывших Александровских казармах (ныне Чернышевских) на Серпуховской улице. В наш полк часто приезжали большевики—т. Свердлов и др. и разъясняли нам, что собой представляет правительство Керенского. Они призывали не разъезжаться по домам, а итти вооруженной силой свергать буржуазное правительство. Они предлагали организовать рабочие боевые дружины, отряды Красной гвардии.

В то же время кадеты, а вместе с ними меньшевики пытались срывать наши митинги, увещевая нас итти на фронт добивать немцев. Большевиков же, призывавших повернуть оружие против угнетателей, они называли «предателями революции» и «шпионами».

Рядом с нашими казармами были размещены 4 и 6-я школа юнкеров. Недели за две до Октябрьского переворота юнкера начали усиленно обучаться стрельбе из пулеметов, орудий и т. д. Вскоре мы заметили, что их снабжают полным боевым вооружением и обмундированием.

Мы спрашивали юнкеров:

«Для чего это? На фронт, что ли, вы собираетесь?»—На все вопросы они отвечали одинаково злобно:

«Скоро узнаете, для чего это...»

Вскоре они стали частями уходить из своих казарм, унося с собой оружие. Делали они это скрытно. Как мы узнали после, они уходили в Кремль.

Вместе с уходом юнкеров исчезли и все офицеры нашего полка. Положение в полку стало очень напряженным. Ходили слухи, что всем солдатам надо разъезжаться по домам, иначе наши казармы будут обстреливаться из орудий.

Наконец в ночь на 25 октября мы услышали первые выстрелы из Кремля.

Рабочие настойчиво призывали нас итти против засевших в Кремле юнкеров. Небольшой группой, человек в 50—55, под

командой фельдфебеля Щербакова мы 25 октября пошли к Кремлю по Большой Полянке. Нашему отряду было приказано занять электростанцию и Каменный мост.

Когда мы двигались по Большой Полянке, в нас из окон и с крыш домов стреляли, и часть товарищей была ранена. После занятия электростанции мы тут организовали перевязочный пункт. К нам начали прибывать рабочие с завода бывш. Михельсона и других заводов. Матросы организовали подвоз оружия и питания. В эту же ночь были вырыты и окопы у Каменного моста. Засевшие в Кремле юнкера начали сильный обстрел наших окопов, у нас уже были убитые и раненые, особенно среди рабочих, не знавших военного дела.

Несколько раз юнкера, под прикрытием сильного огня, старались перейти мост, но сделать это им не удавалось. Тогда они попробовали взять нас обманом: под предлогом уборки своих убитых и раненых они вперед выслали «сестер», а вслед за ними пошли сами с оружием. Рассмотрев этот маневр лишь тогда, когда они уже подходили к середине моста, мы открыли огонь и сбили их обратно.

После этого мы уже не поддавались ни на какую их хитрость. Хорошо нам помогала электростанция. Она освещала нужные нам места и районы, а ночью в трамвае мы отправляли своих раненых на Серпуховскую площадь, где были устроены перевязочные пункты.

Однажды юнкера прислали к нам «парламентера» с письмом, в котором предлагали нам пропустить «вольных граждан» через мост, для чего подбирать партиями желающих пройти к себе домой и во время прохождения их через мост и с нашей и с их стороны прекращать стрельбу. Мы согласились. И вот к нам подходит партия в 25—30 человек, желающих пройти через мост в сторону Кремля. Нам стало подозрительно, что все «прохожие» были мужчины. Произвели обыск. Все оказались переодетыми офицерами, а в пальто нашли у них зашитые браунинги и патроны. Недолго думая, отправили их всех в штаб Красной гвардии Замоскворецкого района, который помещался тогда на Калужском проезде.

Днем по улицам, прилегающим к набережной Москвы, совсем нельзя было ходить: стреляли из окон домов. Нам было предложено обыскать дома, откуда производилась стрельба, и мы там всегда находили оружие. Вспоминается один случай. Мы поставили часового охранять дом против электростанции. Не успел разводящий отойти от часового на несколько шагов, как из окна просовывается рука и раздается выстрел из револьвера. Часовой был убит.

2 ноября нам было дано распоряжение прекратить стрельбу: было объявлено перемирие. А еще через два дня мы сопровождали юнкеров из Кремля под арест в казармы.

Председателем ревкома нашего полка был т. Сокол, заместителем его был офицер, прапорщик Рачицкий, единственный

из всех офицеров нашего полка, который остался с нами. Впоследствии из нашего отряда был сформирован 4-й Московский советский полк.

15 августа 1918 г. из Москвы на южный фронт была отправлена 1-я Московская особая бригада, командиром которой был т. Рачицкий. Позднее он был убит под Новохоперском во время боя. Комиссаром бригады был тот же т. Сокол.

Н. Прокудин, С. Солодов,
И. Кондрашев и М. Погорельский

Из истории одного завода

Кожевенный завод им. Кагановича, известный под именем «Красного поставщика», а до революции — под именем акционерного общества «Поставщик», или завода Карла Тиля и К°, ведет свое летосчисление с 1854 г., когда Карл и Генрих Тили (выходцы из Саксонии) организовали на углу Гусятникова переулка и Ивановки мастерскую лаковых головных уборов — драгунских и уланских киверов, а также кучерских и извозчичьих шляп.

Тили быстро разбогатели и из наемного дома перебрались в свое владение, выходившее одними воротами на Кожевническую улицу, а другими—в 1-й Кожевнический переулок.

Неподалеку от владения Тилей находился небольшой кожевенный завод «прогоревшего» заводчика Шувалова. Тили откупили шуваловский завод, состоявший из двух одноэтажных низеньких корпусов, и расширили производство.

Как жилось рабочим тилевских предприятий, можно судить хотя бы по тому, что заработок рабочего равнялся «полтине через день», т. е. 7—7 р. 50 к. в месяц, а рабочий день тянулся от зари до зари. Понятна быстрая нажива Тилей.

Помещения не убирались. Вентиляции не было и в помине. От дыма, духоты и вони рабочие падали в обморок. Освещались мастерские и завод несколькими небольшими керосиновыми лампами, отчего здесь всегда царил полумрак. Люди наскакивали друг на друга, падали, получали увечья, но об увеличении света владельцы и не помышляли.

Подноправными хозяевами цехов являлись мастера. Сами Тили никогда не заглядывали в мастерские и цехи. Мастера устанавливали свои порядки и законы, а рабочие обязаны были их выполнять.

Особенно тяжкой была жизнь работниц. Они обязаны были подчиняться всем прихотям мастеров и приказчиков. Те из ра-

Заводский комитет завода «Поставщик» в 1917 г.

ботниц, которые отказывались вступать в связь с мастерами и их помощниками, немедленно выбрасывались с предприятия.

Тем временем предприятия Тиля расширяются, растут их капиталы. Чтобы укрепить руководство разросшимися предприятиями, хозяевами был приглашен в качестве кампаньона делец и проныра Рекк.

Появление Рекка ознаменовалось строительной горячкой. На заводе появились пристройки и надстройки. В частности по инициативе Рекка был построен теперешний сушильно-отделочный цех.

За время русско-японской войны Тили разбогатели. Выросли миллионные фонды, которыми распоряжались «администраторы» по своему усмотрению. Война оказалась для Тилей и всех входивших в состав администрации настолько прибыльной, что недавний служащий Минин сам выстроил кожевенный завод.

Сейчас же после войны на заводе начали открыто проявляться революционные настроения. Пройдя через школу первой русской революции 1905 г., рабочие уже отказываются работать на фабрике на прежних условиях, требуя сокращения ра-

бочего дня, увеличения зарплаты, улучшения бытовых условий и т. д.

Говоря о периоде, связанном с первой русской революцией и последующими годами реакции, нельзя не упомянуть о тилевской школе, организованной еще при Рекке в деревянном доме, свезенном с Пятницкой улицы, где он строил себе особняк, на территорию завода и которую революционеры сумели использовать так, что она стала центром революционной пропаганды. В числе преподавателей этой школы был историк-большевик Михаил Николаевич Покровский.

«Меня особенно тянуло в эту школу,—рассказывает т. Молодкин, бывший рабочий кожевенного завода,— потому что она очень часто организовывала загородные экскурсии для рабочих».

Нетрудно понять, для чего устраивались эти «прогулки» и какую цель преследовали их организаторы.

Большой любовью рабочих пользовались и созданные при школе вечерние курсы и их учительница Смирнова. Политический горизонт рабочих здесь расширялся, они по-иному начинали расценивать происходившее вокруг них.

В 1912—1913 гг. вместо «Торгового дома Карл Тиль и К°» организовалось московское акционерное общество «Поставщик».

Момент образования акционерного общества «Поставщик», совпавший с кануном империалистической войны 1914 г., оказался особенно выгодным для дела. Посыпались громадные военные заказы, а заодно с ними и миллионные барыши. С какой быстротой развивалось предприятие «Поставщик» за годы войны, можно судить по следующим цифрам: в 1914 г. на предприятиях числилось 4 тыс. рабочих и 300 служащих; через год рабочих стало 6 тыс., а служащих—500, не считая многих тысяч «квартирников», работавших на дому. Барыши владельцев были громадны.

В первом году войны на основной капитал в 5 млн. руб. общество получило свыше 2 млн. прибыли, а во втором году — 7 млн.

Но рост прибылей хозяев нисколько не улучшал конечно положения рабочих. Наоборот, во время войны жизнь их стала еще более кошмарной. Хозяева широко пользовались тем, что свыше 60% рабочих были военнообязанными и всецело зависели от предприятия.

Рабочий день длился 12—15 часов. Мастерские и корпуса из-за отсутствия минимальных санитарно-гигиенических условий являлись источниками всякой заразы. На почве недоедания и переутомления среди рабочих росли болезни. Но хозяев это ничуть не интересовало. Им нужны были новые миллионы, и они их выкачивали любой ценой и любыми средствами.

Наступил 1916 г. — третий год империалистической войны. С первых же месяцев этого года среди рабочих началось сильное брожение. Ничтожный продовольственный паек, сверхурочные

Красногвардейцы и члены завкома кожзавода им. Кагановича (бывш. «Поставщик»).
1-й ряд снизу, слева направо— **Киселев И. А., Петухов, Сковно, Кондрашев, Прокудин.**
2-й ряд — **Ермаков, Бабурин, Киселев, Солодов, Белов.**
3-й ряд — **Капралов, Данилов, Беспалов, Чиненов.**
Последний ряд — **Маликов.**

работы, изнурявшие и без того истощенных людей, бесконечные очереди у лавок, издевательства заводского начальства,—все это толкнуло рабочих на путь борьбы.

Первыми выступили рабочие шорного и слесарного цехов, потребовавшие улучшения снабжения и открытия при заводе раздаточной лавки. Вслед за тем брожение началось и в других цехах.

Вначале администрация наотрез отказалась разговаривать с рабочими об улучшении материального и продовольственного положения, но, опасаясь волнений, затем согласилась повысить заработную плату на 10% и больше.

Во все возраставшем недовольстве рабочих капиталист и его подручные почуяли опасность. Чтобы уберечь капиталы, нажитые за годы войны, хозяева спешат продать предприятие (понятно, с громадной прибылью) Земгору—Всероссийскому земскому союзу городов, во главе которого стояли князь Львов, фабрикант Живов и др. Земгор таким образом был последним хозяином этого предприятия.

«Дела» нового хозяина—Земгора—шли неплохо. Война продолжалась, заказы поступали беспрерывно, прибыль росла.

Февральская революция

Но вот докатилась до Москвы весть о свержении самодержавия. Утром 1 марта на заводских воротах появилось первое извещение Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) о низвержении самодержавия.

Группа меньшевиков, работавшая на заводе (Трифонов, Потапов, Малышкин) и не проявлявшая никаких признаков жизни, как только произошла революция, всплыла на поверхность.

В этот же день из состава рабочих были избраны члены в Московский совет. В число делегатов вошли почти сплошь меньшевики.

Успех меньшевиков в первые дни революции был вызван тем, что большевиков на заводе в тот момент было еще очень мало, массы рабочих еще не могли разобраться в происходящих событиях, не могли как следует отличить партию от партии и установить, кто является истинным защитником. Впоследствии рабочие «Поставщика» прекрасно научились распознавать, кто их друг и кто враг. И защиту своих интересов доверяли только большевикам.

Возникшие на предприятиях явочным порядком фабрично-заводские комитеты с первого дня революции стали ее опорными пунктами. Но на «Поставщике» во главе заводского комитета оказались предатели рабочего класса—меньшевики и эсеры.

Сразу же после февральской революции на заводе разгорелась ожесточеннейшая борьба с произволом администрации.

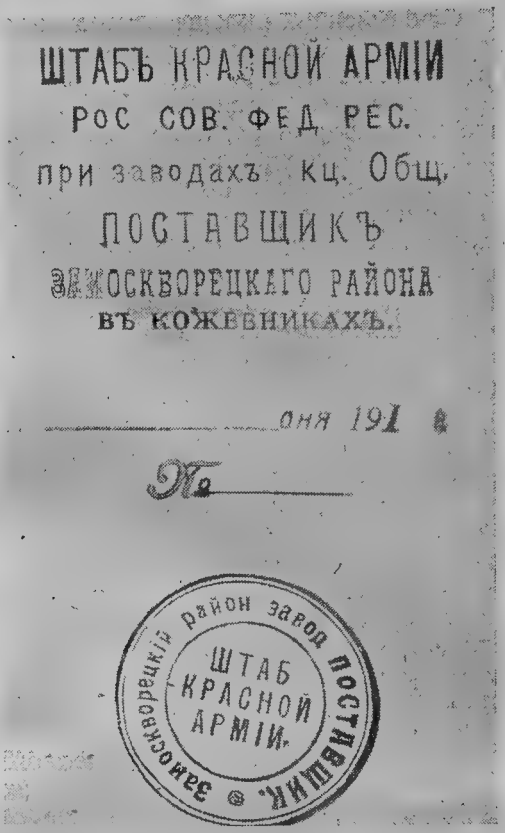
По цехам стихийно вспыхивали стачка за стачкой. Посыпались требования улучшения материального положения. Рабочие требовали, чтобы с предприятия были убраны мастера, которые в прошлом издевались над ними.

Первая стачка возникла в слесарно-механическом цехе. Рабочие потребовали повышения расценок на 15—20% и увольнения зав. цехом—инженера Гробовского.

Меньшевистский заводский комитет не поддержал требования рабочих. Была избрана делегация для переговоров с администрацией, но директор Поленов категорически отказался удовлетворить требования рабочих и предупредил, что в случае невыхода на работу все будут уволены.

Это заявление вызвало бурю негодования со стороны рабочих. В механическом цехе был созван митинг, потребовавший объяснений от инженера Гробовского. Но он решительно отказался. Тогда рабочие усадили его в тачку и вывезли с территории завода. Это так сильно подействовало на остальных администраторов, что они поспешили удовлетворить все требования рабочих.

Стачка перебросилась и в другие цехи. Шорники потребовали повышения расценок на 20% и удаления с завода мастеров Солнцева и Епифанова. Войлочный цех потребовал удаления за-



Штамп штаба по формированию Красной армии на заводе им. Кагановича (бывш. «Поставщик») в 1918 г.

ведующего цехом Шувалова; обувщики потребовали удаления заведующего Лазарева; кожевники — удаления заведующего Шленгера. Перепуганная администрация постановила, чтобы эти требования по крайней мере были разобраны в «примирительной камере». Все это показывает, до какой степени выросли сознательность и революционность рабочих завода.

Борьба с предателями

Меньшевики и эсеры, завладев в первые дни революции руководством заводских организаций, всячески стремились привлечь побольше рабочих в ряды своих партий. Администрация же завода, убедившаяся, что соглашатели—отнюдь не враги буржуазии, всячески содействовала их работе и оказывала им всякие услуги.

Оформленной большевистской организации в то время на заводе еще не существовало. Но среди рабочих, преимущественно среди делегатов в заводский комитет, было немало большевистски настроенных ребят, которые и повели ожесточенную борьбу против меньшевиков, поддерживавших администрацию и старых мастеров. Особенно разгорелась эта борьба в марте, когда на пленуме заводского комитета был поставлен вопрос о подписке на так называемый «заем свободы». Меньшевики бросили на это собрание свои лучшие силы. Красноречию их ораторов не было предела.

В противовес меньшевикам на завод был прислан Замоскворецким райкомом большевиков т. Колосков, который разъяснил рабочим истинное назначение «займа свободы», выпущенного для продолжения империалистической войны.

Рабочим стало ясно, где правда. Сначала на заводском комитете, а затем на общем собрании рабочих подписка на заем была провалена.

На заводе наступило горячее время. Началась борьба за завоевание руководящей роли нашей партии в заводском комитете, за разоблачение меньшевиков.

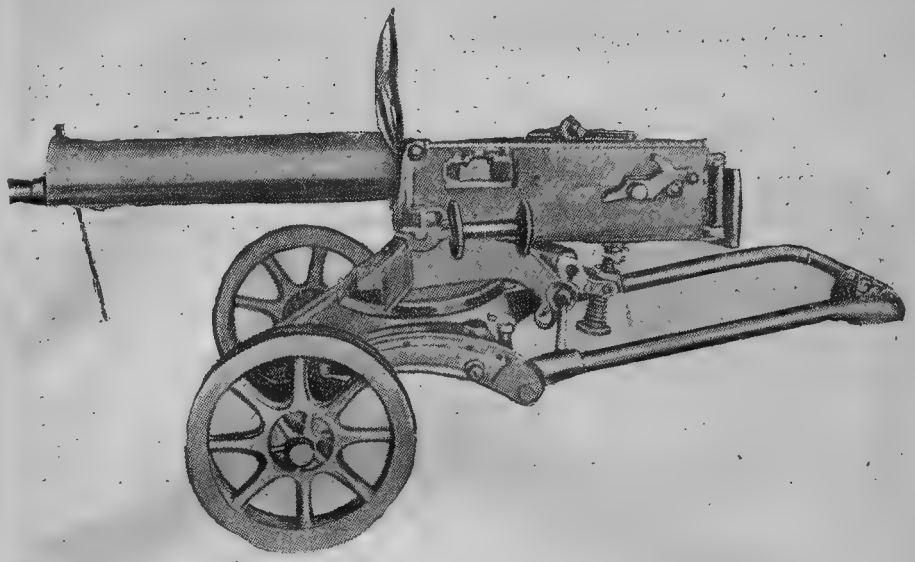
В мае назначаются перевыборы заводского комитета. Созывается общее собрание рабочих. Меньшевики, стремясь удержать руководство заводским комитетом, предлагали рабочим проводить выборы не по цехам, а на общем собрании — по одному делегату от 15 человек. Таким путем они надеялись увеличить число своих сторонников.

Против меньшевистского предложения решительно выступали Сахаров и Маргулис — большевики. Они предлагали выборы проводить по цехам и не больше одного делегата от 20—100 человек.

Как ни старались меньшевики, общее собрание приняло предложение большевиков. Тогда председательствовавший на общем собрании меньшевик Иванов делает попытку обманным путем провести свое предложение. Это ему однако не удается. Его махинация была тут-же разоблачена.

Убедившись, что подвох не удался, Иванов с криком «Идите с большевиками—они вас доведут до гражданской войны!..» оставляет собрание.

В новый завком вошло 70 человек. На первом пленарном заседании завкома меньшевики выступили с декларацией, в которой указывали, что вся работа заводского комитета нового созыва должна быть посвящена одной основной цели—поддержке Временного правительства и Московского совета. Более того, они настаивали на том, что в исполнительный орган завкома нужно выбирать только тех товарищей, которые поддержат это предложение. Однако результаты выборов оказались неожиданными для меньшевиков. В президиум заводского комитета в подавляющем большинстве вошли большевики; от меньшевиков и эсеров вошло всего по одному человеку.



Пулемет «максим» — участник октябрьских боев.

Среди избранных оказались: тт. Кондрашев, Серяцкий, Киселев, Потапов, Бардин, Забелин и два кандидата—меньшевики.

Новый завком и его большевистское руководство сразу же возглавили борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день, за новый распорядок на предприятиях, за наем и увольнение рабочих через заводский комитет и наконец за контроль над производством.

Вся деятельность нового заводского комитета протекала уже под руководством партии большевиков.

Стачка

Заводскому комитету с первых же шагов его деятельности нужно было повести широкую революционную и культурно-массовую работу, нужно было объединить вокруг себя всю рабочую массу. Но для проведения этой задачи у большевиков завода нехватало сил. Учтя это обстоятельство, районный комитет партии выделил на постоянную работу на заводе в качестве секретаря заводского комитета т. Корешкова. С его приходом на завод работа большевиков значительно усилилась.

Наряду с рабочей организацией — заводским комитетом на заводе существовал **коллектив служащих,** в который входили все мастера и служащие предприятия — около 500 человек.

Руководство этой организацией полностью оставалось в руках меньшевиков. Исключение составляли служащие-кожевники, которые объединились с рабочими во время всеобщей стачки московских кожевников.

Вскоре на повестку дня политической борьбы встал вопрос о «рабочем контроле над производством». Сигналом послужило объявление администрации о сокращении рабочих—шорно-амуничников (якобы из-за отсутствия заказов).

Парторганизации и заводскому комитету было ясно, что это сокращение является началом локаута.

Меньшевики «принципиально» не возражали против контроля, но считали, что осуществлять его должно само правительство. Иначе понимали этот лозунг большевиков рабочие. Они стояли за **установление действительного рабочего контроля.** Для того чтобы провести этот контроль в жизнь, была избрана делегация для переговоров с администрацией. Но администрация категорически отказалась вести переговоры, заявив, что постановление рабочих и заводского комитета — незаконное и равносильно предложению захватить предприятие и что никакими законами Временного правительства подобные вещи не предусмотрены.

То же самое происходило и на других предприятиях. Капиталисты и их верные слуги — соглашатели и слушать не хотели о рабочем контроле.

В это время начинается всеобщая стачка московских кожевников (13 августа), в которой участвовали десятки тысяч рабочих и которая явилась исходным пунктом для наступления рабочего класса на капиталистов и их правительство.

Руководимая Московским комитетом партии большевиков стачка кожевников выросла в фактор крупнейшего политического значения. Она явилась сигналом к октябрьским боям и вполне законно называется «прелюдией Октября», вступлением в Октябрьскую революцию. Рабочие же «Поставщика» и их политические организации играли в забастовке большую роль.

Буржуазия и ее лакеи—меньшевики и эсеры—подняли энергичную кампанию против стачки, натравливая на рабочих армию и крестьянство, заявляя, что забастовщики срывают, дескать, снабжение армии и не дают возможности выполнять военные заказы.

Капиталисты и их социал-предательские прислужники кричали в один голос, что предъявляемые кожевниками требования «непосильны для фабрикантов и гибельны для страны». Они требовали присылки фронтовой комиссии для проверки всех военнообязанных, работавших на заводе, требовали отправки их на фронт, надеясь таким путем устранить с завода всех революционных рабочих.

В конце августа (или в начале сентября) такая комиссия в составе трех военных действительно прибыла на завод. В нее вошли представители Московского совета и заводского комитета. Проверялись все военнообязанные по цехам. Рабочие охотно обнаруживали тех, кто работал на предприятии по «милости» администрации, по кумовству, по взяточничеству,—словом, выявляли всех тех, которые укрывались на предприятии от войны. С воинского учета было снято около 200 человек—почти исклю-

чительно ставленники администрации, сынки купцов, фабрикантов и др.

Такого провала администрация не ожидала. А комиссия после проверки уехала на фронт с подарками от рабочих—тремя гармониками, набитыми сотнями экземпляров большевистских листовок и газеты «Социал-демократ».

Организация Красной гвардии

Июльские события в Петрограде и московская стачка кожевников выдвинули перед партийной и профессиональной организациями завода вопрос о подготовке своей вооруженной опоры — Красной гвардии.

На одном из июльских заседаний партийной организации и заводского комитета было решено приступить к ее формированию.

Первыми вступившими в красногвардейский отряд были: Леваков, Смирнов, Прокудин, Солодов, Бородин, Чиненов, Сковно, Ермаков и др.[1].

Активно участвовали в отряде с самого его возникновения несколько женщин: тт. Сковно, Гуляева, Васильева, Родионова и др.

Вступившие в Красную гвардию товарищи прекрасно понимали всю ответственность, которая должна была лечь на них в предстоящей схватке с буржуазией за власть советов. Они упорно и настойчиво проводили военное обучение и агитировали среди рабочих за вступление в ряды Красной гвардии, за готовность в любой момент по призыву партии стать с винтовкой в руках на борьбу за диктатуру пролетариата.

Начальником отряда был назначен т. Леваков, установивший в отряде революционную дисциплину.

Занятия отряда проводились два-три раза в неделю в заводской столовой (на поповском дворе) и на площадке фабрики Цинделя.

---

[1] **Список красногвардейцев завода им. Кагановича (бывш. «Поставщик»):**

1) Прокудин, 2) Солодов, 3) Сковно, 4) Чиненов, 5) Ермаков, 6) Капралов, 7) Маликов, 8) Лисикин А., 9) Червяков, 10) Ватунин, 11) Смирнов, 12) Белов, 13) Косарев, 14) Косарев, 15) Парфенов, 16) Соколов, 17) Пичугин, 18) Бабуркин, 19) Мишин, 20) Воробьев, 21) Поляков, 22) Цыган, 23) Данилов, 24) Королев, 25) Рослав, 26) Гуляева Н., 27) Родионов Н., 28) Леваков П., 29) Васин, 30) Беспалов, 31) Бородин, 32) Баков, 33) Калабаева, 34) Зинин, 35) Лапин, 36) Коротков Ст.

Ячейка ВКП(б) завода им. Кагановича (бывш. «Поставщик»):

1) Корешков, 2) Кондрашев, 3) Бородин, 4) Прокудин, 5) Петухов, 6) Сковно, 7) Новиков, 8) Сиряцкий, 9) Васин, 10) Родионова, 11) Гуляева, 12) Андрюхин, 13) Зарадова, 14) Червяков.

Завком завода им. Кагановича (бывш. «Поставщик»):

1) Кондрашев, 2) Киселев, И., 3) Киселев Н., 4) Гуляева, 5) Андрюхин, 6) Дюжиков, 7) Сиряцкий, 8) Новиков, 9) Бородин, 10) Петухов, 11) Корешков.

Список составлен по памяти и не является полным списком.

С первых же дней обучения пришлось столкнуться с рядом трудностей, из которых самой главной было—**отсутствие оружия.** Кое-как заводскому комитету удалось раздобыть в районе шесть берданок старого образца и небольшое количество патронов. Это дало некоторую возможность организовать кое-какие занятия красногвардейцев.

Перед октябрьскими событиями отряд, насчитывавший 80 человек, был уже достаточно крепко сколочен. Были организованы дежурства красногвардейцев при заводском комитете. Отдельные товарищи из отряда часто дежурили в районном комитете партии и ревкоме.

Отряд пользовался среди рабочей массы большой популярностью. Рабочие с любовью и заботливостью относились к каждому красногвардейцу.

Не таково было отношение к отряду со стороны меньшевиков и эсеров. Они вкупе с заводской администрацией всячески издевались над красногвардейцами, травили их на каждом шагу.

Сентябрь и октябрь прошли в большой тревоге. Корниловщина открыла глаза рабочим. В воздухе все более и более пахло грозой. Все увереннее и решительнее стали раздаваться голоса о том, что пора взяться за оружие, что достаточно терпели власть Керенского, что власть должна перейти к советам.

Близость предстоящих боев за власть советов привлекала в ряды Замоскворецкого красногвардейского отряда все новые группы беспартийных рабочих.

Накануне октябрьского восстания меньшевики потребовали срочного созыва заводского комитета. Когда пленум завкома собрался, меньшевики начали настаивать, чтобы заводский комитет отказался от организации Красной гвардии и покупки оружия, угрожая в противном случае «снять с себя всякую ответственность» за дальнейшие события.

Однако заводский комитет упорно проводил те задачи, которые ставила перед ним большевистская парторганизация, понимая, что близок день решающих боев. Угрозы меньшевиков, понятно, никакого впечатления не производили. И вот наступил долгожданный момент — 26 октября.

По телефону передает т. Шиллертом распоряжение: к 10 часам вечера выслать весь вооруженный состав Красной гвардии в районный совет, а невооруженных направить на Красную площадь.

Борьба начинается. Весь состав Красной гвардии был немедленно собран. Имелось только 20 берданок. И каждому красногвардейцу хотелось, чтобы оружие было доверено ему.

К 10 часам вечера заводский отряд вышел из завода, руководимый т. Леваковым. На заводе осталось всего несколько красногвардейцев для организации охраны.

Вскоре после ухода отряда заводский комитет получил первое донесение от начальника о том, что отряд поступил в рас-

Один из отрядов Красной гвардии завода бывш. «Поставщик» (кожзавод им. Кагановича).

поряжение т. Файдыша и что товарищи получают оружие в районном штабе.

В 10 ч. 30 м. поступило второе донесение от начальника штаба о том, что отряд выступает по направлению к Крымскому и Замоскворецкому мостам и электростанции и что желательно к утру приготовить для красногвардейцев пищу, а для некоторых и обувь. В донесении указывалось также, что для замены красногвардейцев, ушедших на отдых, должны быть высланы другие, а главное, что завод необходимо охранять самым серьезным образом.

В это время приходит в завком уборщица и заявляет, что у ее мужа, служащего сторожем на одном из складов, имеется много патронов, которые можно забрать для Красной гвардии. Вслед за ней является работница клееваренного завода с сообщением о том, что у ее хозяина имеется много оружия.

Было решено немедленно послать двух-трех человек на квартиру, указанную работницей, чтобы отобрать оружие. «Барин» оказался несговорчивым: сразу сдать оружие он не пожелал. Он пришел в заводский комитет с браунингом, охотничьим ружьем и двумя мотоциклами. Он заявил, что готов отдать все это при условии, если заводский комитет выдаст ему расписку в том, что «оружие будет сохранено и возвращено, когда в нем минет надобность».

Заодно парторганизация и заводский комитет отдают распоряжение о том, чтобы администрация завода срочно сдала имеющееся оружие. Однако они отказываются. Тогда завком производит на квартире администрации завода обыск и отбирает у директора револьверы браунг и смит-и-висон.

Томительно тянется первая ночь. Телефон заводского комитета перестал работать. Донесений от начальника отряда больше не поступает. Все волнуются. Только на рассвете на завод возвращается первый десяток красногвардейцев, чтобы отдохнуть и захватить пищу для товарищей, оставшихся на позициях.

Чуть свет на завод собрался весь состав рабочих предприятия. На летучем митинге рабочим сообщается о событиях истекшей ночи. Во время этого митинга из заводского комитета вышел десяток красногвардейцев в полной боевой готовности для отправки на позиции. Рабочие встретили отряд шумными приветствиями и тут же постановили отчислить в его пользу 2% зарплаты. А рабочие портновских мастерских, долго бывшие под меньшевистским влиянием, решили изготовить для красногвардейцев обмундирование.

Вечером следующего дня от районного штаба было получено распоряжение выделить несколько верховых лошадей с полной амуницией для надобностей штаба, организовать лазареты на заводе и на Калужской площади и отпустить несколько кип ваты для передовых позиций.

Все эти распоряжения немедленно выполняются. Лошади направляются в районный штаб, а санитарные комиссии во главе с т. Сковно приступают к организации лазарета.

На заводе был оборудован лазарет на 12—15 кроватей. Возникли затруднения с врачем, так как два заводских врача отказались приехать в лазарет. За ними была послана машина. Явившийся в заводский комитет врач заявил, что он «вообще против гражданской войны, но так как обязанности врача помогать даже врагам, он соглашается принять на себя медицинское обслуживание лазарета». При этом он потребовал от заводского комитета расписки о том, что он делает это не по доброй воле, а по «принуждению». Заводский комитет ему такую расписку выдал.

Тем временем появляются первые раненые красногвардейцы — рабочий завода Михельсона, раненый в руку, и другой товарищ, раненый в голову. Им немедленно оказывается помощь.

Не обходится и без курьезов. За столом сидит выбившийся из сил, дремлющий председатель завкома т. Кондрашов. В это время в завком входит один из охраняющих завод красногвардейцев, которому понадобилось исправить запор берданки. Красногвардеец Бородин помогает закрыть затвор и кладет ружье на стол президиума. От сильного ли удара по затвору или по другой причине внезапно раздался выстрел, и пуля проходит между носом и согнувшейся рукой дремавшего Кондрашова. Переполошились все весьма сильно. Кондрашов остался невре-

димым, взволнованный же секретарь ячейки Корешков никак не может успокоиться и грозит Бородину всяческими карами. В руках он держал карабин и от возбуждения бессознательно нажимает курок. Раздается новый выстрел, и пуля пробивает несколько пар обуви. Тут же угрозы посыпались на самого Корешкова. А он спокойно оправдывается: «Я ж не в народ стрелял, а в угол направил ружье».

Дни октябрьских боев

Накануне октябрьских событий численный состав отряда доходил до 200—250 человек. Отряд был разбит на две сотни, во главе которых стояли тт. Мохов (убитый во время гражданской войны) и Ф. Смирнов. Командиром всего отряда был т. Левашков.

Когда были получены распоряжения из штаба Красной гвардии о выступлении отряда, первая сотня во главе с т. Левашковым направилась непосредственно в распоряжение нач. штаба Красной гвардии т. Файдыша, а вторая — поступила на сборный пункт на фабрику «Волк».

На фабрике «Волк» концентрировались силы. Здесь красногвардейцы разбивались по десяткам и сотням, здесь им выдавались оружие и боевые припасы. Насколько помнится, на каждого красногвардейца выдавалось до 10 патронов.

Обстановка в Замоскворецком районе была крайне напряженной. Юнкера перешли в наступление и пытались захватить Москворецкий и Каменный мосты. Крымский мост был уже в их руках.

Штаб Красной гвардии района сгруппировал все свои силы для решительной борьбы за освобождение Замрайона от контрреволюции и оказания помощи соседним районам. Отряд завода «Поставщик» разбивается на две части: одна бросается на поддержку красногвардейцев, обороняющих Москворецкий и Каменный мосты, а другая — к Крымскому мосту. Атака юнкеров на Москворецкий и Каменный мосты ликвидируется очень быстро. Юнкера отступили, оставив несколько убитых и раненых.

Укрепив этот участок, красногвардейцы «Поставщика» вместе с отрядом завода Михельсона и ряда других, несмотря на оружейно-пулеметный огонь юнкеров, решительным натиском заняли Крымский мост. Овладев мостом, они повели наступление в направлении лицея (что на углу Крымской площади) и интендатских складов, сконцентрировав свои силы на борьбу с засевшими на Остоженке, Пречистенке и в Зачатьевском монастыре юнкерами. Основной целью борьбы было захватить штаб Московского военного округа.

Самоотверженность красногвардейцев сломила сопротивление юнкеров. Был занят лицей, интендантские склады, Крымская площадь и часть Зубовского бульвара. При взятии интендант-

ских складов красногвардейцы захватили несколько груженых продовольственных автомобилей и 5—7 пленных.

Юнкера тем временем укрепляются у Зачатьевского монастыря. Продвижение Красной гвардии становится крайне затруднительным. Начинается борьба за захват Зачатьевского монастыря обходным путем. В обходную группу входят части красногвардейцев завода «Поставщик» во главе с т. Ф. Смирновым, остальная же часть отряда действует в районе Остоженки и Пречистенки.

Достигнув Мансуровского переулка, красногвардейцы вынуждены были перейти к обороне. Юнкера в это время пытались дать решительное сражение, стремясь отрезать красногвардейские отряды, оперировавшие в районе Остоженской улицы, вернуть интендантские склады и занять Хамовнический район.

Заняв Мансуровский переулок, красногвардейцы соорудили здесь окопы и забаррикадировали часть улицы.

Вечером 28 октября юнкера попытались перейти в контрнаступление по Остоженке и Пречистенке. Они сосредоточили здесь свои лучшие силы для того, чтобы отрезать наступавших под командой т. Добрынина красногвардейцев. Во время этого наступления юнкера помимо пехоты бросили и кавалерию (не то казаков, не то черкесов), стремясь таким образом вызвать в рядах Красной гвардии смятение.

Наступление юнкеров было однако встречено контрнаступлением, в котором помимо Красной гвардии участвовала полурота 193-го пехотного запасного полка. Атаки юнкеров были отбиты с большими для них потерями. Не обошлось и без потерь со стороны Красной гвардии.

К этому времени было объявлено перемирие, вызвавшее сильное недовольство красногвардейцев. Вскоре перемирие было отменено. Замоскворецкий ревком и штаб Красной гвардии отдают приказ о всеобщем наступлении.

Обходная группа под командой Ф. Смирнова (красногвардеец завода «Поставщик») занимает Чудов монастырь и решительным натиском пробивается к штабу Московского военного округа. Вскоре юнкера сдаются.

Но в это время обнаруживается серьезная опасность со стороны Нижних Котлов, т. е. Рязано-уральской железной дороги, где концентрировались казачьи части.

Учитывая эту опасность, штаб Красной гвардии Замоскворецкого района принимает решение — предотвратить дальнейшее продвижение казачьих войск. Лучшие отряды (заводов «Поставщик», Михельсона) направляются в Нижние Котлы для обороны этого района и для приостановления дальнейшего движения казачьих частей.

Прибыв в Нижние Котлы, красногвардейцы завода «Поставщик» приступили к организации обороны. При помощи рабочих фабрики Феррейна и местных крестьян были устроены окопы и другие сооружения. Оборона была надежная.

Казачьи части, встретив сопротивление, заколебались и решили выслать для переговоров с Замоскворецким ревкомом свою делегацию.

На пути в ревком казачья делегация была встречена представителями рабочих завода «Поставщик» — тт. Филипповым, Сковно и Родионовой. В результате переговоров казаки объявили себя нейтральными, но отказались сдать оружие.

К этому времени вооруженная борьба на баррикадах Остоженско-пречистенского района была окончена. Победил рабочий класс. Но жалкие остатки разбитой контрреволюции все еще то тут, то там проявляли себя. Рабочие следили за всеми происками побежденного, но еще не добитого врага.

В этот момент красногвардейцы завода «Поставщик» выполняли различные ответственные поручения. Они несли охрану банков и складов, участвовали в обысках, охраняли предприятия и улицы Замоскворецкого района и т. п.

Разбитая в Москве контрреволюция начинает развивать свою деятельность в отставших районах, поднимая темные массы против власти советов. Начинается полоса контрреволюционных восстаний вокруг Москвы. На долю красногвардейцев завода «Поставщик» выпадает боевая задача — продолжать начатое на баррикадах Москвы дело. Часть отряда (35—40 человек) направляется в г. Коломну, где в это время происходят контрреволюционные восстания.

Вслед за этим вспыхивает восстание в Гжатске. Красногвардейцы «Поставщика» отправляются туда и устанавливают революционный порядок. Тем временем начинается восстание в Данкове. По распоряжению ревкома и штаба Красной гвардии Москвы туда направляется 45 красногвардейцев. Восстание и здесь было подавлено. Красногвардейцы обеспечили созыв волостного съезда советов и установили революционный порядок не только в Данкове, но и в его окрестностях.

Боевой опыт, накопленный пролетариями «Поставщика» в октябрьские дни, был вскоре использован ими на фронтах гражданской войны. Пролетарии «Поставщика» участвовали в борьбе с чехо-словаками, были в августе 1918 г. под Свияжском, первыми вступили в Казань, беспощадно расправляясь с теми, кто восставал против власти рабочего класса.

Пролетарии «Поставщика» героически сражались на польском фронте, на петроградских позициях и под Кронштадтом.

По первому зову партийной организации рабочие «Поставщика» оставляли цехи, станки и машины и отправлялись туда, где грозила опасность молодой Республике советов.

От рабочих не отставали и работницы. Те, которые умели владеть оружием, шли наравне с мужчинами в бой за власть советов, другие шли в отряды красных сестер, отдавая все свои силы и внимание тем, кто своею кровью защищал завоевания Октября.

П. П. Петров и Ф. Н. Борисов

Гвардия завода им. Калинина

Часть рабочих завода им. Калинина (бывш. Добров и Набгольц) была хорошо знакома до февраля 1917 г. с подпольем, с большевистской партией.

В 1905 г. и в последующие годы многие революционные рабочие завода входили в боевые кружки, организованные боевой организацией МК РСДРП(б).

Перед объявлением империалистической войны завод бастовал две недели. Забастовка носила политический характер, но с объявлением войны она все же была сорвана. Буржуазии удалось обмануть рабочих. Немалую роль сыграли шовинистические настроения, которым в этот период поддалась часть рабочих завода.

Угар длился до 1916 г. В 1916 г. завод шесть раз бастует, причем во время всех этих забастовок рабочие выставляли требования не столько экономические, сколько политические. Лозунгами этих забастовок были: «Долой войну», «8-часовой рабочий день», требования об увеличении заработной платы и пр.

1917 г. начался тоже с политического выступления. 9 января рабочие забастовали и с красными флагами демонстрировали по улицам, требуя прекращения войны.

Февральская революция благодаря политической подготовке рабочих не была для них неожиданностью. 28 февраля рабочие, придя на завод, к работе не приступили. В 9 часов утра, соединившись с рабочими завода «Морзе», организовали митинг. Выйдя после митинга на улицу, рабочие стали разоружать городовых, зашли на завод «Гантер» и Михайловскую фабрику, сняли рабочих с работы, присоединили к демонстрации. У малого Краснохолмского моста демонстрация была встречена конной жандармерией и рассеяна.

На следующий день все рабочие явились на завод, но снова к работе не приступали. Снова провели митинг и отправились к городской думе. У Чугунного и Москворецкого мостов стояли солдаты. Прорвав цепь, рабочие прошли к думе.

На третий день февральской революции приступили к выборам депутатов в совет рабочих депутатов и в завком.

На выборное собрание пожаловал «сам» хозяин. Он всеми силами старался отговорить рабочих от выборов завкома, уверяя, что «комитету существовать не время», что «существуют законы», что «надо переждать»... Его разумеется не слушали и провели выборы.

В завком вошли в большинстве эсеры и меньшевики во главе с Бочкиным, который, как выяснилось потом, был провокатором.

А война все продолжалась. Временное правительство требовало от рабочих еще большего напряжения. На заводе попрежнему благополучно пребывал хозяин. Рабочие попрежнему голодали и попрежнему умирали на фронте за интересы капиталистов.

Под большим нажимом меньшевиков и эсеров рабочие приняли было резолюцию о поддержке Временного правительства. Но не прошло и трех дней после этой резолюции, как группой большевиков завода (тт. Костюшкиным, Петровым и Полянским) был организован на церковном дворе против завода митинг. Докладчиком от райкома большевиков выступал т. Ратехин — рабочий завода «Морзе». Председателем собрания был т. Петров. Собрание приняло резолюцию, не только отменяющую первое постановление о поддержке Временного правительства, **но выражающую категорическое требование о передаче всей власти совету рабочих и солдатских депутатов, о прекращении войны, проведении закона о 8-часовом рабочем дне и о немедленной передаче земли крестьянам.**

Вторым событием, показавшим, что, несмотря на все усилия меньшевистско-эсеровского комитета, рабочие уже шли за большевиками, является внесение новым общим собранием рабочих требования о немедленном освобождении из тюрьмы двинцев и оказания им материальной поддержки. Резолюция также требовала прекращения войны.

В июльские дни рабочие вышли на улицу с лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Долой войну!», «Вся власть советам рабочих депутатов».

Окончательно потеряв доверие к меньшевикам и эсерам, рабочие стали посылать своих представителей к солдатам в лагери, устраивали там «братание» и вели агитацию за свержение правительства Керенского.

Боевая дружина на заводе существовала с апреля. Завком тогда решил послать т. Кочетова в Тулу за оружием, одновременно постановив «взять аванс у администрации завода за счет будущих удержаний и купить нужное количество револьверов».

На следующем собрании завкома, проходившем под председательством т. Краснова, фиксируются имена товарищей, которым было разрешено носить оружие. Вот их имена: Сверкунов, Кастеров, Молчанов, Феоктистов, Перцов, Березин и Борисов. Тут же на собрании были избраны инструкторы для приведения

оружия в порядок и обучения красногвардейцев: Полянский, Петров и Пучков.

К обучению красногвардейцев были привлечены и двинцы.

За месяц до Октябрьской революции на заседании завкома было вынесено постановление о захвате редакции газеты «Русское слово» и о выпуске своей газеты.

За три дня до начала Октябрьской революции отряду Красной гвардии в составе 15 человек во главе с т. Григорьевым (Евсеенко Е. Н.) было предложено захватить редакцию газеты «Московский листок».

Задача эта была выполнена: редакция была захвачена. Одновременно стало известно, что большевики Замоскворечья организовали военно-революционный комитет. Для постоянной связи с ВРК были выделены Слуцкий и Костюшкин, работавшие на заводе.

После успешного захвата редакции «Московский листок» завкомом было предложено захватить 1-й Пятницкий комиссариат и забрать оружие, которое в нем находилось. Это было поручено группе товарищей из отряда Красной гвардии — тт. Петрову (Молчанову), Волосову, Борисову и др., в общем 50 человек. В ночь накануне Октябрьской революции комиссариат был захвачен, арестован комиссар его, милиция разоружена. Комиссариат очутился в руках красногвардейского отряда.

В первый день восстания, к вечеру, когда шли бои с юнкерами, в комиссариат на грузовом автомобиле приехал Петр Арутюнянц, который предложил оставить на месте двух-трех товарищей, а остальным немедленно отправиться в ревком на Калужскую площадь (трактир бывш. Полякова) и выступить против юнкеров и белогвардейцев.

Предложение было тут же исполнено. Отряд в составе 50 человек направился в ревком. Этот отряд все время участвовал в боях с юнкерами у Крымского моста и на Остоженке.

Тем временем завком организовал еще один отряд в 50 красногвардейцев для охраны завода и поддержания революционного порядка в близлежащих кварталах. Были организованы красногвардейские патрули, все время поддерживалась связь завкома с ревкомом. В завком стали приходить с заявлениями о ненадежных элементах, о местах, где пряталось оружие, и т. д. Завком производил обыски и, когда находил оружие, забирал его для нужд ревкома и своих отрядов.

Позже было поручено трем товарищам — Пучкову, Полянскому и Антонову—пойти в ревком и получить там оружие. Ревком выдал из помещения кино «Великан» воз винтовок русского образца. Несколько ранее отряд получил от совета рабочих депутатов два учебных пулемета и 16 винтовок.

За все время борьбы никто из членов отряда не был убит. Были легко раненые, тяжело были ранены только тт. Григорьев и Куралин.

На восьмой день, после того как юнкера были разбиты, было созвано общее собрание рабочих. Здесь вынесли резолюцию

о полном доверии большевикам. Произвели выборы заводских организаций и постановили организовать строгий контроль над всем хозяйством завода. Красную гвардию было предложено не только не распускать, но и усилить.

Совершенно другую позицию заняли инженерно-технический персонал и служащие, вынесшие 8 ноября резолюцию против новой власти.

После Октябрьской революции, когда меньшевики и эсеры пытались заговорить об Учредительном собрании, рабочие твердо заявили, что кроме советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов они никакой другой власти не хотят и поддерживать ее не будут.

Когда развернулась гражданская война, завком периодически организовывал отряды красногвардейцев для посылки на разные фронты и в продовольственные отряды. Пролетарии завода им. Калинина участвовали во всех боях с контрреволюцией.

С конца 1917 г. до октября 1918 г. существовало еще старое правление завода, хотя над ним был установлен строгий контроль завкома. Несмотря однако на этот контроль, дирекции с помощью верхушки инженерно-технического персонала завода удалось привести завод в такое состояние, что зарплата рабочим не выдавалась в течение двух месяцев и на заводе не было ни сырья, ни топлива. Тогда завком поставил на общем собрании вопрос об отобрании завода у бывших фабрикантов. В начале октября 1918 г. общим собранием рабочих предложено было завкому выгнать хозяев и избрать свое рабочее правление. Для управления заводом были избраны тт. Петров, Пучков, Шерганов. Тут же было постановлено послать делегацию из двух человек — тт. Петрова и Слуцкого в Ленинград к т. Ленину за финансовой помощью.

Тов. Лениным ходатайство делегатов было удовлетворено, было предложено Госбанку отпустить 1 млн. руб. в распоряжение вновь избранного рабочего правления.

В результате этой финансовой помощи, оказанной при содействии т. Ленина, завод был восстановлен, была выплачена зарплата, организованы заводские столовая, булочная.

Благодаря настойчивой и упорной работе завкома и заводоуправления под руководством коммунистической партии большевиков, невзирая ни на какие трудности, голод, саботаж, невзирая на отправку лучших товарищей на фронт для борьбы с контрреволюцией, — рабочие завода крепко стояли на страже завоеваний Октябрьской революции, давая немедленно отпор всем нытикам и маловерам. В тяжелые годы гражданской войны пролетарский коллектив завода, руководимый большевиками, получил крепкую, боевую закалку, давшую ему возможность пройти славный героический 16-летний путь, одерживая победу за победой.

А. Карандасов, А. Трофимов,
А. Чебарин, Ф. Шергин

В боях за Октябрь

Из воспоминаний участников красногвардейского отряда завода „Красный факел" (бывш. Ґустав Лист)

26 октября (по старому стилю) утром на заводе стало известно, что питерский пролетариат захватил в свои руки власть и в Москве создан наш орган по руководству восстанием.

Ячейка большевиков на заводе в ту пора была небольшая: всего 13—14 человек. Это — тт. Карандасов, Трофимов, Шергин, Гусаров, Балакин, Федоров, Широков, Угольников, Чебарин (прикомандированный Замоскворецким комитетом партии), Черепков, Палачев, Бизюков и др.

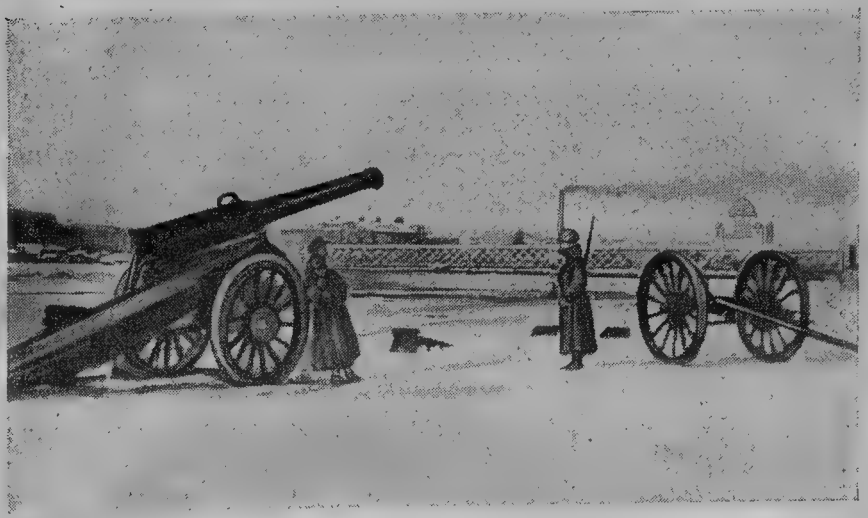
Эта небольшая группа большевиков, благодаря неустанному разоблачению политики меньшевиков и правильному разъяснению лозунгов партии, вступала в боевые октябрьские дни, добившись большого политического влияния в массе рабочих.

В районную думу завод послал почти сплошь большевиков. В Московский совет делегированы были большевики (Карандасов, Широков). Завком был большевистский. К тому же времени у нас была создана ячейка «союза молодежи III Интернационала», организатором которой был т. Евдокимов (убит белыми при разгоне в январе 1918 г. контрреволюционной демонстрации, шедшей под лозунгом Учредительного собрания).

Ядро Красной гвардии под командой старого дружинника 1905 г. (и старого солдата) т. Николая Андроновича Федорова было сколочено еще в сентябре.

Исключительную роль в большевизации завода сыграло руководство Замоскворецкого комитета партии, выделившее для работы на заводе персонально т. Островитянова, а потом, в сентябре т. Чебарина.

Благодаря этой помощи Замоскворецкого комитета, удалось быстро парализовать влияние меньшевиков среди рабочих завода.



Тяжелое орудие, обстрелявшее Кремль с набережной у Крымского моста.

Когда 27 октября был созван общезаводский митинг, ясно было, что огромное большинство рабочих готово с оружием в руках выступить на поддержку Питера и драться за власть советов.

Меньшевики Александров и Нянькин, вопившие о «кровавой анархии» и «расколе рабочего класса», которые ведут «на край пропасти», были встречены смехом рабочих и вскоре куда-то смылись вместе с некоторыми своими соратниками из артиллерийской мастерской.

Заводская разметочная плита, служившая обычно трибуной, была окончательно завоевана большевиками. Тут же, на этой плите, созданный на заводе красногвардейский штаб в составе Федорова, Карандасова, Шергина, Трофимова и Чебарина записывал рабочих в Красную гвардию, выдавая каждому особый пропуск.

На заводе было приподнятое, боевое настроение. Рабочие узнали о выступлении юнкеров. Красногвардейцы шли в завком и требовали оружия. А оружия, если не считать 3—4 револьверов у отдельных товарищей и одной берданки, не было. По отряду Федоров дал распоряжение: не расходиться.

После собрания в Замоскворецком комитете, где было объявлено о начале вооруженного восстания, мы вернулись на завод, и наш штаб ночью занялся учетом наличного состава красногвардейцев. Налицо было человек сорок.

С утра 28-го выяснилось, что большая часть рабочих, живших не в Замоскворечьи, на завод не вышла: подступы к Каменному и Крымскому мостам были заняты юнкерами. Фракция большевиков завкома решила приостановить завод.

На собрании мы сообщили рабочим, что вооруженная борьба началась, что исход ее зависит от нас самих, что только кровью пролетариат завоюет советскую власть. Тут же было указано, что наш завод — на передовой линии борьбы, так как расположен против занятого юнкерами Кремля.

Это последнее соображение особенно подняло боевое настроение. Требовали оружия, захвата хозяйских автомобилей, охраны завода и пр. Немедленно, не дожидаясь конца собрания, часть товарищей пошла реквизировать автомобили Густава Листа, но оказалось, что, узнав о собрании, «густавычи» сели в легковую машину и удрали. У нас остался один грузовик, очень нам впоследствии пригодившийся.

С собрания вся фракция завкома отправилась на Калужскую в Замоскворецкий военно-революционный комитет к т. Файдышу за оружием.

Не прошло и часа, как сотник Федоров производил уже на заводском дворе учение Красной гвардии, ядовито посмеиваясь над нашими доспехами: мы принесли из ревкома десятка полтора разнообразнейших ружей, по преимуществу берданок и однозарядных «Гра».

К вечеру 28-го группа красногвардейцев завода Листа была направлена к Крымскому мосту. Расположились на арматурном заводе. Кто-то вбежал в помещение и крикнул: «юнкера занимают мост!» В то же время послышалась стрельба. Мигом повскакали и залегли за кучами щебня перед мостом и без команды открыли огонь в направлении лицея на Крымской площади, откуда шла пальба. Враг стрелял довольно метко. Пули дзинкали о камни, в ушах сверлило. Кто-то из товарищей был тяжело ранен.

Через час наступление было отбито. Это, как нам кажется, был первый бой красного Замоскворечья с юнкерами.

Вечером 28-го определилось более ясно назначение нашего красногвардейского отряда. Человек 20 ревком приказал откомандировать в его распоряжение. 10—12 товарищей с 6—7 винтовками направлены были на Банный двор, около Большого Каменного моста. Остальные 10—15 несли охрану завода, Болотной площади и служили связью с трамвайной электрической станцией у Малого Каменного моста и Центральной электрической станцией 1886 г.

Эта линия от Каменного моста до Замоскворецкого моста поддерживалась отрядом, имевшим не более 5—6 ружей.

К вечеру юнкера, наседавшие на Большую Полянку, были отброшены красногвардейцами трамвайной электрической станции и др. Перед Каменным мостом были вырыты неглубокие окопы и завязался бой с перешедшими в контрнаступление юнкерами.

28-го Банный двор превратился в боевой участок общей линии фронта. Прибыли красногвардейцы других заводов и солдаты.

В проделанные пробоины (бойницы) в деревянных воротах

Здание на Калужской площади, где помещались в дни Октября Замоскворецкий ВРК и штаб Красной гвардии.

и каменной стене, кто стоя, кто лежа, стреляли из разнокалиберных ружей по Кремлю, иногда по очереди, так как винтовок нехватало. Ночью особенно было удобно целиться по мелькающим разноцветными точками фонарям, которыми перебегающие по кремлевской стене юнкера очевидно давали какие-то сигналы своим цепям.

В первый день боя Банный двор не нес никаких потерь. Юнкера, полагая повидимому, что стреляют с завода Лист, и обнаружив наши перебежки и учения, которые мы производили на дворе почти все дни боев, то и дело угощали нас ружейными залпами и пулеметным огнем. По частым коротким хлопкам над головой и осыпавшемуся со стен щебню мы заключили, что юнкера нередко били по заводу разрывными пулями.

Несмотря на огонь из Кремля, урона у нас на заводе не было. Юнкера лихо расправлялись со стеклами помещений завкома, механической мастерской и управления заводом.

Однако к концу боев Банный двор как боевой участок был обнаружен противником, и мы подверглись сильному обстрелу. Здесь был убит т. Соцков.

Помнится, 29-го днем и ночью с короткими перерывами била артиллерия. Шли дожди, над рекой поднимался густой туман. Прибыла группа товарищей, участвовавших в операциях на

остоженских переулках. Измокшие до нитки, они согревались чаем, рассказывали о боях за обладание штабом округа. В этом бою был убит т. Афанасьев.

Вот пришел патруль с Болота. Рассказывает: расстреляли студента-белогвардейца, пробравшегося к нам в тыл.

Ревком требует людей. Пошли десятком. Под непрерывным свистом пуль продольного огня по Полянке прошли Малый Каменный мост.

С башни трамвайной электрической станции размеренно бил по Кремлю наш пулемет.

В ревкоме нас отправили на электрическую станцию 1886 г. Там создалось напряженное положение в связи с попытками меньшевиков включить ток для Кремля и думы.

Тов. Томашевский принял нас и провел на верхний этаж. Взобравшись на подоконники, мы видели, как снаряды нашей артиллерии, бившей со стороны Швивой горки, взрывались на башнях Кремля.

Вечером 30-го орудийный огонь стих. Туманная ночь разрывалась отдельными залпами. Это была ночь перемирия.

В 11 часов вечера 2 ноября на собрании Красной гвардии района начальник штаба Красной гвардии т. Файдыш под общее ликование собравшихся объявил: «Кремль сдался».

Условиями сдачи юнкеров были резко недовольны многие из участвовавших на собрании товарищей. Пан требовал полной ликвидации юнкеров. Выступил т. Ольминский. Со слезами на глазах он сказал: «За всю историю человечества не было более радостного дня, чем нынешний. Пролетариат, захвативший в свои руки власть, открыл новую эпоху — эпоху социализма. Много будет впереди еще борьбы, но отныне победа всегда и окончательно будет только за революционным пролетариатом».

Утром следующего дня мы на заводе получили живое подтверждение тому, как еще много впереди будет борьбы со старым миром.

В завком пришел один товарищ, помнится, Карманов (единственный беспартийный член завкома). Он сообщил, что в Артиллерийской один рабочий сражался против нас вместе с юнкерами. Швали в Артиллерийской было немало, но о такой не догадывались.

Через несколько минут привели этого рабочего. Спрашиваем: «Почему стрелял в своих?» Отвечает: «Я стрелял в чужих. Как интеллигентный человек я до конца буду бороться с варварами».

Шергин предложил: «Сейчас же расстрелять на заводском дворе». Мы великодушничали — таково было упоение победой. Ограничились тем, что этому «интеллигентному человеку» предложили немедленно убраться с завода.

Наступили революционные будни. Большевистский завком был фактической властью на заводе и осуществлял рабочий контроль над производством.

Хроника октябрьских дней в Замоскворечьи

25 октября. Райком намечает состав военно-революционного комитета. Собрание актива района на фабрике Цинделя. Собрание в Замоскворецком совете начальников сотен и отрядов Красной гвардии и выборы штаба ее. Получение директивы Московского комитета большевиков о начале восстания.

26 октября. Экстренное собрание президиума Замоскворецкого совета и выборы военно-революционного комитета. Первая стычка с белогвардейским отрядом. Перерыв связи юнкеров со школами прапорщиков, приостановка движения в центр оставшихся школ. Начало обысков для изъятия оружия у буржуазии. Разоружение офицерских домовых охран.

27 октября. Красная гвардия вооружает патрули для разведки, охраны и поддержания порядка в районе. Организация санитарных отрядов, организация продовольственной работы. Небольшие стычки с юнкерами. Бой соединенных отрядов завода Михельсона и трамвайной станции с юнкерами у Малого Каменного моста. Захват мостов (кроме Устьинского) и окончательное прекращение налетов юнкеров в район.

28 октября. Бои у Крымского моста. Наступления по линиям: а) Серпуховская площадь — Большой Каменный мост — Волхонка — Александровское училище и б) Калужская площадь — Остоженка — штаб МВО. Приостановка наступления по первой линии у Большого Каменного моста, закрепление на Берсеневской и Софийской набережных. Занятие Крымской площади, Остоженки до Карабельникова переулка. Занятие чайной Бахтина и организация там штаба отрядов Остоженки.

29 октября. Бои на Остоженке, переход наших отрядов в наступление. Занятие переулков — подступов к штабу МВО, выход на Пречистенку (Штатный переулок). В остальных частях района — усиленная охрана РУЖД, посылка отрядов к заставам. Формирование новых отрядов. Захват винтовок на РУЖД. Объявление Московским военно-революционным комитетом перемирия.

30 октября. Наступление юнкеров на Остоженский район. Наше контрнаступление совместно с солдатами Хамовнического района. Увоз двух тяжелых французских орудий от Бутиковских казарм. Начало обстрела штаба МВО. Занятие Зачатьевского монастыря. Смерть т. Добрынина. Посылка отряда к пороховым погребам в Симоново. Занятие Симоновского склада после боя с юнкерами.

31 октября. Прибытие тяжелой батареи «С» и обстрел штаба МВО и Кремля. Наступление Красной гвардии на Остоженке—Пречистенке. Действие отдельных отрядов Замоскворечья в районе Ильинки — Варварки. Укрепление застав близ дер. Котлы, рытье окопов, сторожевая служба отрядов Красной гвардии «Поставщика», завода Михельсона и др.

1 ноября. Бои на Остоженке — Пречистенке, около храма спасителя. Охват штаба МВО с трех сторон. Артиллерийский обстрел мест, занятых юнкерами.

2 ноября. Взятие Кремля. Занятие штаба МВО. Сдача юнкеров. Прекращение военных действий в Москве.

Содержание

Вл. ФАЙДЫШ — Октябрь 1917 г. в Замоскворечьи — 3
И. ЦИВЦИВАДЗЕ — Боевые дни — 40
З. ЛЕГОНЬКАЯ (Холоднова) — Воспоминания разведчицы — 61
А. У. УВАРОВ, Н. В. СТРЕЛКОВ, П. КОРШУНОВ, Н. ПЧЕЛЕНКОВ, О. ГОРБАЧИК, С. РИГОСИН, М. В. КРЖЕМИНСКИЙ — Красногвардейцы завода им. Ильича — 69
Сергей ЛЕБЕДЕВ и Иван ЧАДИН — Красногвардейцы фабрики Цинделя — 78
Н. СЕЛЕЗНЕВ — Солдат на Октябрьских баррикадах — 83
Н. ПРОКУДИН, С. СОЛОДОВ, И. КОНДРАШЕВ, М. ПОГОРЕЛЬСКИЙ — Из истории одного завода — 86
П. П. ПЕТРОВ и Ф. Н. БОРИСОВ — Гвардия завода им. Калинина — 102
А. КАРАНДАСОВ, А. ТРОФИМОВ, А. ЧЕБАРИН, Ф. ШЕРГИН — В боях за Октябрь — 106
Хроника Октябрьских дней в Замоскворечьи — 111

Ответственный редактор **И. Ворошилин**

Сдано в набор 13/X 1934 г.
Подписано к печати 29 X 1934 г.
Мособлгорлит № 41280
Московский рабочий № 39
Тираж 10 000
Формат бумаги $62\times94^{1}/_{16}$
7 печатных листов, 49 000 знаков в печатном листе
Заказ № 897
Технический редактор А. Жудро

39-я Интернациональная тип. Мособлполиграфа, ул. Скворцова-Степанова, 3

КАРТА
боевых действий
в первые два дня
октябрьского восстания
„Замоскворечье.
Условные обозначения.
Части красных
Окопы красных
Части белых
Движение белых отрядов.

КАРТА
боевых действий в
последние дни
октябрьского восстания
в Замоскворецком
районе.
Условные обозначения
Части красных
Окопы
Пулеметы
Артиллерия
Части белых
Окопы белых

Цена 1 р. 30 коп.

И-311

5